

Серия
РУССКИЙ ЖУРНАЛ

РУССКИЙ ЖУРНАЛ

ОЛЕГ КАШИН

Всюду жизнь



Издательство «ЕВРОПА»

МОСКВА 2005

ББК 323.2
УДК(Т)63.3
К 40

Серия «Русский журнал» основана в 2005 году

Редактор серии: Г. Павловский
Составитель: А. Чадаев

КАШИН Олег. *ВСЮДУ ЖИЗНЬ*. Серия: «Русский журнал».
М.: «Европа», 2005. — 168 с.

Эта книжка целиком отдана одному автору – Олегу Кашину, за фантастически короткий срок ставшему звездой газетной журналистики. Со стороны может показаться, что формула его успеха проста и незатейлива: всего-то – оказаться в нужное время в нужном месте, а потом живо и смачно обо всем рассказать на газетных страницах. Но, приглядевшись повнимательнее, понимаешь, насколько тонким знатоком жизни и вдумчивым аналитиком надо быть, чтобы так работать и при этом регулярно попадать в яблочко.

- ◎ Олег Кашин, тексты
- ◎ Г. Павловский, предисловие
- ◎ А. Чадаев, предисловие
- ◎ Три квадрата, оформление
- ◎ «Европа», 2005

ISBN 5-9739-0018-5

Русский журнал одного автора

Русский журнал – это сообщество авторов, их персональных журналов. Книжка РЖ целиком отдана одному Кашину. Будут и другие, но почему первый – Кашин? Самый подвижный автор РЖ из тех, что сообщают лишь то, что видели и испытали. Рассказывая, не повторять чужие слова вслед за обществом – колоссальный риск. У нас на зоне глазастых не любят.

Набеги Кашина на реальность обнаруживают страну повсюду в состоянии выделки. Россия – это резидентура мировой истории, ее корсеть. Живых она внедряет в невозможные обстоятельства, связь поддерживает изредка и неохотно, данные не проверяет. Предоставляя тебе неслыханную свободу вранья и порчи. Оттого здесь столько «общественного мнения» – тараторящих девок, кипучей нежити и циников с обидчивостью, странной для циника.

Русская история по Ключевскому – это образовательная юдоль, типология русского воспитания. Воспитания недоросля, воспитания монарха (чем попытался было заниматься сам, без успеха), воспитания грусти... Воспитания зрячих, от чего напрямиком к сердцевине выделки – личной твердости. Без реализма русскому быть твердым нельзя. Проглядел тетку в рыжей шубе, а потом некого и незачем защищать. Неглазастые долго не сопротивляются, сбиваясь в «общество».

Кашинская оживленность при посещении общественных срамных мест России и просвещает на собственный счет, и ободряет нас – живы! А кашинская всеядность, на пару с его манерой неуместно морализировать, вынуждают искать скандальную подоплеку. Например, неподкупность.

*Глеб Павловский,
Главный редактор РЖ*

Другой Кашин

Кашин... бойкий автор и цепкий наблюдатель, регулярно отправляющийся на все митинги, демонстрации, флэш-мобы, пикеты и побоища в Москве. Он – Растиньяк, приехавший овладеть Москвой, редкий для современной России тип классического американского репортера, дотошный, честолюбивый хроникер, для которого «события» и «факты» куда важнее, чем «ура» и «долой». И потому, если революция в России, не дай Бог, случится, именно Кашин будет ее Джоном Ридом.

Александр Тимофеевский *«Юность – это возмездие»*
(«Известия» от 07.06.2005)

Эжен Растиньяк – герой Бальзака, который дает клятву – достичь успеха, выбиться в люди любой ценой. Корреспондент «Коммерсанта» Олег Кашин вполне заслужил такого сравнения – судя по той фантастической скорости, с которой он сделал карьеру, за какой-нибудь год превратившись из провинциала-«гастарбайтера» в настоящую звезду газетной журналистики. Где это видано, чтобы ведущее общенациональное СМИ («Известия») размещало на своих страницах панегирики в адрес сотрудников своего прямого конкурента? А ноутбук от Ходорковского? А полемика с Жириновским один на один в телеэфире? Иными словами, надо же было так заставить о себе говорить в двадцать пять-то лет!

Главная тема Кашина-репортера – «молодежная политика». От одного этого словосочетания еще недавно сводило зубы и веяло запахом коридоров бывших комсомольских учреждений, в которых догрызали бюджеты «на молодежь» неведомо как сохранившиеся престарелые комсомольцы. Теперь не так: с недавних пор это та самая «настоящая» политика, по сравнению с которой политика «взрослая» есть не более чем надоевший балаган. Раньше жизнь была там, а здесь ее не было; теперь все в точности наоборот! Отчасти в этой уже совершившейся революции повинны события «внешние» – грузинские, украинские, киргизские, – но там общество не успело даже и разглядеть этих «студентов», превращенных в рычаг для свержения тронов. У нас в России не так: нам дана роскошь времени, отведенного на экспозицию. И не в последнюю очередь свою роль в этом сыграло и то, что нашлись люди вроде Кашина, которые эту живую среду смогли увидеть, описать, явить миру – и, тем самым, дать ей собственный язык и свои уникальные имена.

Но тем не менее сравнение коммерсантовского корреспондента с бальзаковским персонажем настоящей критики все же не выдерживает. Кашин – не Растиньяк. И главное его отличие – именно в этом самом «любой ценой»: один из главных лейтмотивов кашинских текстов – это вопрос приемлемости (в самом широком смысле) цены настоящего успеха. Олег все время явно или неявно его задает: и когда живописует юных политических активистов, мечтающих о власти, и когда описывает саму власть во всем ее тяжеловесном обаянии, и когда просто пишет о жизни, будь то жизнь провинциального городка, московской тусовки, каких-то культурных артефактов, или же лично себя любимого, Кашина Олега Владимировича.

Со стороны может показаться, что формула его успеха проста и незатейлива: всего-то – оказаться в нужное время в нужном мес-

те, пару раз схлопотать по морде от какого-нибудь милиционера или недружелюбно настроенного активиста, а потом живо и смачно обо всем этом рассказать на газетных страницах. Но только приглядевшись повнимательнее, понимаешь, насколько тонким знатоком жизни и вдумчивым аналитиком надо быть, чтобы так работать и при этом регулярно попадать в яблочко. Чтобы чувствовать нерв процесса, все время поверяя себя по нему. И именно в этом, а вовсе не в фортунах заключается реальный механизм капитализации бренда «Кашин».

Кашинские репортажи в «Коммерсанте» – торжество формата, созданного и поддерживаемого этим изданием: короткие жесткие фразы, только факты в каждом предложении, никакой отсебятины и никакой «позиции». Еще бы: если в изначальном тексте какая «позиция» и была, на рерайте все равно ее выбросят – машина есть машина.

В еженедельных колонках, которые Олег с осени 2004 года ведет в «Русском журнале» <http://www.russ.ru/columns/life/> (недантично вывешивая в своем сетевом блоге http://www.livejournal.com/users/another_kashin/ фрагменты черновиков за день до публикации), нам предстает совсем другой Кашин.

«Всюду жизнь» – таков постоянный заголовок кашинской колонки в РЖ. Здесь его журналистика ближе к Аксакову, Гиляровскому и Успенскому, чем к сухим западным образцам репортерского жанра. Это бытописание, в котором темой является то, что темой считает сам автор, он же в конечном счете и главный герой текстов. Автор, который думает, сопоставляет, спорит, возмущается, вспоминает – а также куда-то едет, с кем-то встречается, попадает в самые разные истории... Тот случай, когда уже не поймешь, где заканчивается журналистика и начинается литература. Но из этой «почти литературы», при всей ее «художественности», больше

узнаешь о русской реальности, чем из напоминающих конторскую ведомость газетных заметок.

В каком-то смысле та жизнь, о которой идет речь, – это нерв нашего времени, далеко за пределами того узкого социального среза, с которым непосредственно взаимодействует автор. Не чувствуя его, нельзя изучать историю современности: в этом смысле данный сборник – еще и своего рода учебник истории. Ибо историк тем и отличается от хронографа, что пишет не только о событиях и датах, но и о том, что произошло – или происходит – на самом деле. Вкус к этому самому делу отличает журналиста Кашина. Однако на самом деле главные испытания для человека Олега Кашина еще и не начинались. Поскольку личный успех – это всего лишь аванс, выданный тебе историей.

*Алексей Чадаев,
редактор «Русского журнала»*

Жизнь Кашина

как известно, помимо различных жанров киноискусства – комедия, мелодрама, боевик и так далее – существует индийское кино, которое, чем бы оно ни было по замыслу авторов – триллером, комедией, детективом, чем угодно, – все равно остается прежде всего индийским кино. Точно так же и с мероприятиями, которые устраивает Василий Якеменко. Не важно, какие плакаты и флаги в руках его бойцов, против кого они борются – против Зюганова ли, против Сорокина, – всегда все одинаково: организованная доставка на автобусах участников к месту проведения мероприятия; добротная изготовленная атрибутика; суровые распорядители, не позволяющие активистам общаться с газетными журналистами и рассказывать им о том, что за участие в митинге каждому то ли заплатили по триста рублей, то ли пообещали пейджер; съемочные группы государственных телеканалов, готовые пафосные сюжеты, и – очень четкое ощущение тотальной фальшивости происходящего.

О том, что случилось в Москве в воскресенье, знают все. Фотографии Ленинского проспекта, запруженного шестьюдесятью тысячами подростков в одинаковых футболках, напечатаны во всех газетах и обошли, наверное, весь интернет. Фор-

мально это было премьерное выступление «Наших» – со скандалом созданных в феврале «партизан порядка», призванных остановить надвигающуюся революцию. При ближайшем рассмотрении «Наши» оказались теми же «Идущими»: кроме самого Василия Якеменко среди организаторов я заметил его брата Бориса, нового лидера «Идущих вместе» с выразительной фамилией Тараканов, колоритного борца с калоедами Михаила Мясоедова, – даже сама комиссар Лебедева, секс-символ «Наших», еще совсем недавно, по слухам, работала библиотекарейшей в московском офисе «Идущих вместе».

Не знаю, что изменилось в методах работы братьев Якеменко и их соратников, но, несмотря на наличие всех необходимых компонентов – и одинаковые футболки, и бескончаемые ряды автобусов, и даже (казалось бы, где найти более удобный повод для недовольства!) перекрытый почти на сутки Ленинский проспект, – ничего такого, что вызвало бы протесты моего правдолюбивого сердца, я на этом мероприятии не обнаружил.

Светит солнце. Играет музыка. Парит над толпой операторский кран Первого канала. Нарядные ветераны с орденами и медалями. Розовощекие подростки, не скрывающие, что их – там, в провинции – собирали на эту акцию по школам и вузам, обещая халявную поездку в Москву. Ветераны обнимаются с детьми. Дети произносят пафосную, но, если честно, хорошую клятву – мол, вы отсталяли страну тогда, мы отстоим ее теперь, и вы за нас не волнуйтесь.

Фальшь, которой славились «Идущие вместе», куда-то делась. Ее нет, и понятно почему – ну что, школьник из Тулы или первокурсник из Орла разве не уважает старика, который шестьдесят лет назад воевал, а теперь, нарядный и с ме-

далями, пританцовывает под «Смуглянку» из динамиков? Да уважает, конечно. И ветераны довольны – мало ли как этих детей сюда свезли, ветеранам все равно, главное – вот дети, дети улыбаются и говорят какие-то добрые вещи.

Все нормально.

Сейчас я специально оставляю за кадром все остальное – опереточный *«антифашизм»* «Наших», демонизирующих радикальных социал-демократов из НБП, непонятно откуда берущиеся бюджеты, офис в жилой квартире на Ордынке, Яшина в сугробе и прочие гадости, которыми успели прославиться «Наши». Не было на Ленинском ни сугробов, ни брошюрок с Каришей, да и единственная фраза юного комиссара Городецкого насчет *«неофашистов из НБП»* на пресс-конференции после мероприятия была просто ответом на вопрос журналиста. На Ленинском не было вообще ничего, кроме нескольких десятков тысяч подростков из провинции – совершенно обыкновенных подростков – и тысячи ветеранов – не менее обыкновенных ветеранов. И перекрытый для них проспект вызвал у меня намного меньше вопросов, чем перекрытая несколькими днями ранее для Вике-Фрейберги Тверская.

Собственно, больше говорить об этой акции нечего (к тому же я подробно описал ее в газете). Самое интересное было потом.

Журналист Фишман сфотографировал этих подростков из своего окна на Ленинском, а журналист Плющев вывесил эти фотографии в ЖЖ. И понеслась. *«Гитлерюгенд»*, *«стрелять из пулемета»*, *«давить их»* и так далее, и так далее, и так далее. Четыре страницы комментариев. Через несколько часов наконец прозвучало и заветное слово *«быдло»*. Эти

шестьдесят тысяч молодых людей – быдло. Почему? А просто так. Просто немотивированная злоба. Самый простой способ почувствовать себя элитой – это представить, что остальные – быдло. Представили. Понравилось. Поверили.

Не стану скрывать, для меня «борьба с быдлом» – это во многом личное. В смысле – принимаю (может, и неоправданно) эти упреки на свой счет. Я приехал жить и работать в Москву два года назад. До этого двадцать три года прожил на окраине самого окраинного областного центра России. Ну, получилось так – я не виноват, что в конце семидесятых работникам калининградского авиаотряда, среди которых был мой отец, выдавали квартиры именно там, на окраине Калининграда, в достаточно гопническом районе. Вырос там. Закончил школу. Поступил в вуз неподалеку – обыкновенную морскую академию, не самый престижный вуз в масштабах страны. Закончил его. Типичное быдло, ага.

И вот я, чье детство прошло в калининградских дворах с торчащими из асфальта ржавыми кусками арматуры и, прости Господи, пасущимися на помойках коровами из окрестных поселков, почему-то не могу понять, чем я хуже любого из тех, кто сегодня называет «Наших» быдлом. Чем?

Я так уверенно задаю этот вопрос, потому что знаю, что ничем. Потому что знаю, что любое такое же **быдло**, как и я, сумевшее не погрязнуть в этой арматуре и коровах на помойках, нашедшее свое место в непростой России двадцать первого века, – заслуживает большего уважения, чем любой бывший **мальчик из приличной московской семьи**, ощущающий себя элитой по праву рождения. Не важно, как я отношусь к «Нашим» (плохо отношусь на самом деле), но когда их называют быдлом, мне самому хочется вступить в «Наши»,

потому что они-то быдлом никого не называют, равно как и, в отличие от журналистки Боссарт из «Новой газеты», никого не называют *«красавцами, интеллектуалами и богачами с доброкачественными генами»*.

Никакие коммунисты, никакой прокурор Шохин не раздувают социальную (о национальной промолчу) рознь так, как это делает наша либеральная публика – журналисты, стремительно маргинализирующиеся политики, правозащитники всякие и так далее. Презирая людей, они, натолкнувшись на ответную реакцию, почему-то искренне обижаются, хотя обижаться действительно не на что.

Закончить колонку хочу экспериментом. На следующий день я ходил к Мещанскому суду на митинг в защиту Ходорковского. Быдло пришло поддержать красавца, интеллектуала и богача с доброкачественными генами. По Каланчевке было не пройти. Давить их, гадов. Из пулеметов стрелять. Ходорковскийюгенд, блин. Нормально? Почему?

18 мая 2005

спасение красного флага

На Болотной площади казнили то ли Разина, то ли Пугачева, то ли и того и другого. В советские времена площадь называли именем Репина. В две тысячи, что ли, первом году на Болотной открыли шемякинский памятник жертвам пороков, для которого, если верить Доренко, позировал сам Лужков.

Но не это самое главное в биографии Болотной площади. Сейчас, если я слышу «Болотная площадь», не Пугачев, Репин или Шемякин предстают перед моим внутренним взором, а «Идущие вместе».

Это одна из тайн современной Москвы: почему именно на этом месте и только на нем митингуют «Идущие» (и только они, ни одна другая партия или организация митингов на Болотной площади не устраивает). Единственная версия, которая приходит в голову, – транспортная: до любой из ближайших трех станций метро десять-пятнадцать минут быстрой ходьбы, зато на двух ближайших набережных удобно парковать автобусы, много автобусов. Ну и Кремль опять-таки в пределах видимости.

Из известных мне политических организаций только две не предупреждают о том, что будет митинг. Это национал-большевики, панически (и небезосновательно) боящиеся

утечек информации в милицию, и собственно «Идущие вместе», которые утечек не боятся, но и видеть на своих мероприятиях газетных журналистов почему-то не хотят. Только недавно я научился узнавать об их митингах заранее – по пресс-релизам ГИБДД о перекрытии улиц. Если написано, что для движения закрываются Кадашевская и Болотная набережная и Большой Каменный мост, – значит, «Идущие» что-то задумали.

И когда 7 ноября я шел с колонной КПРФ по мосту мимо Болотной, подозрения подтвердились: площадь оцеплена, рабочие в комбинезонах монтируют сцену, голубые кабинки общественных туалетов уже стоят около памятника Репину. Поэтому, дойдя с коммунистами до «Театральной» (тоже, кстати, странно – почему они все время ходят от «Октябрьской» до «Театральной», а не наоборот? Калужская площадь просторнее, а на «Театральной» удобнее собираться), я побежал на Болотную смотреть, что там будет.

Бегу через мост – вижу: нормально все. На набережной автобусы стоят. В два ряда. Прохожу на площадь – Боже, что это? Я не изображаю удивление, я действительно удивился, потому что на Болотной вместо «Идущих» были коммунисты. Много коммунистов. Меньше, чем на «Театральной», но тоже очень много. Совершенно зюгановско-анпиловского вида бабушки-дедушки, бедно одетые и беззубые, с красными флагами и транспарантами про дерьмократов.

При ближайшем рассмотрении, однако, оказалось, что Болотная площадь осталась безраздельной вотчиной «Идущих вместе». Они свезли из Подмосковья на автобусах несколько тысяч стариков, выдали им красные флаги и транспаранты, клеймящие Зюганова за союз с дерьмократами,

соорудили сцену для ораторов (умилил меня очень один старичок, видимо близорукий – он пялился в телесуфлер, стоявший перед сценой, но вместо «Семигин» читал «Семагин», вместо «Видьманов» – «Видьханов», вместо «Ходорковский» – «Ходоровский»). А главными на мероприятии были телевизионщики с двух государственных каналов. Знаете, бывают такие концерты-«телесъемки», на которых зрителей заставляют сидеть, пока режиссер трансляции не скажет, что все, что требовалось переснять, переснято – при том, что финальная песня уже два часа как прозвучала. То есть не для зрителей концерт, а для камер. Вот и митинг тот не для тех, кого на него согнали, был устроен, а для государственных телевизионщиков. Я часто по роду деятельности встречаю этих людей – как правило, безумно молодых и до тошноты безукоризненных, причесанных таких, напудренных. Что скрывать, я ненавижу репортеров Первого канала и «России», ненавижу их всех; да и как любить эти органчики, позирующие на фоне нанятой «Идущими вместе» пенсионерской клаки, взволнованно произносящие в камеру что-то вроде «Люди все прибывают и прибывают... Такого Москва не видела очень давно». На Болотной, когда такой господинчик с Первого, кажется, канала интервьюировал старушку, шпарившую в ответ точными цитатами из интервью Суркова «Комсомолке», я не выдержал, спросил у старушки, долго ли она учила текст. В принципе репортер не должен так себя вести – подкалывать и провоцировать героев будущего репортажа (грубо говоря, сегодня, придя на митинг, ты подкалываешь старушку, а завтра, приехав на фронт, возьмешь в руки автомат, чего репортеру уж точно нельзя делать). Но, черт подери, я живой человек, а эта старушка – зомби в луч-

шем случае, в худшем – гораздо больший провокатор, чем мы с Сурковым вместе взятые. Поэтому, я считаю, черт с ней, с этикой, – старушку надо мочить.

У меня действительно сдали нервы на этом митинге. Я бродил среди ветеранов (самое ужасное, что они действительно ветераны, то есть те, кого я с младенчества приучен уважать, относясь к ним как к людям заведомо более достойным, чем я сам) и спрашивал каждого: «Вам нравится здесь? Вам нравится этот митинг?» А они не отвечали даже. Это как в фильме ужасов: ты среди них, совсем один, а они сквозь тебя ходят, извергая слизь, оставляя ее на твоём лице и твоей одежде. К «Идущим вместе» всегда следовало относиться как к мразям, но 7 ноября нынешнего года они себя переплюнули: одно дело бросать в политические бои традиционных гопников, мечтающих о пейджере (или о чем там мечтают эти недоноски), другое – притаскивать для массовки стариков, которые вовсе не для того побеждали в войне и отстраивали послевоенную страну, чтобы некий Вася Якеменко бросал их под гусеницы интересов некоего Славы Суркова.

Добили же меня флаги, сотни флагов Союза Советских Социалистических республик, – а флаг СССР, конечно, гораздо более симпатичен, чем нынешний триколор. У меня отец в 1991 году работал в Литовском морском пароходстве, и Новый 1992 год мы встречали в Клайпеде у него на судне, «Капитан Реутов» оно называлось, большой такой сухогруз. На корме его к тому времени развевался литовский желто-зелено-красный флажок, а отец (он электромехаником был) отвел меня в свою маленькую мастерскую в трюме и говорит: смотри, мол. А там среди всяких трансформаторов и

прочего хлама лежат аккуратно сложенный красный флаг и металлические серп и молот, свинченные литовцами с трубы. Отец сказал мне, двенадцатилетнему: вот так она, история, на наших глазах и делается, запоминай. И я запомнил. С тех пор я к советскому флагу отношусь как к семейной реликвии, и когда какие-то уроды размахивают моей семейной реликвией, чтобы порадовать Васю Якеменко, мне делается очень неприятно.

Поэтому, уходя с Болотной площади, я перехватил первую попавшуюся старушку, у которой в руках был красный флаг, и, стараясь говорить милиционерским голосом, приказал ей: «Сдайте инвентарь». Старушка отдала мне флаг, я забросил древко на плечо и торжественно пошел через мост к метро «Третьяковская». Можете считать меня мелким жуликом или воришкой, но я до сих пор уверен, что сделал важное дело. Спас флаг.

10 ноября 2004

за спасение погибавших

приятно, читая неинтересную официальную хронику, спотыкаться о знакомые фамилии. Вот на прошлой неделе Путин, если верить его пресс-службе, наградил медалью «За спасение погибавших» Геннадия Васильевича Коломенского, капитана учебного парусного судна «Крузенштерн». Спасение погибавших, о котором я расскажу в этой колонке, случилось летом двухтысячного года, но не стану упрекать президента в том, что награда нашла героя спустя почти пять лет, – ничего страшного в этом нет. Вот Рамзана Кадырова более высокая награда нашла, кажется, еще до того, как его главный подвиг был совершен (если, конечно, допустить, что в его жизни вообще будет подвиг), – такой закон сохранения медалей получается, все нормально. Когда капитан Коломенский приедет в Кремль за медалью, надо будет с ним созвониться и встретиться, пива попить. Коломенский действительно хороший мужик.

Теперь – что касается собственно спасения погибавших. Как раз пять лет назад я был на «Крузенштерне» одним из двадцати штурманских практикантов. Это было что-то вроде награды за хорошую учебу и примерное поведение – нас отправили на эту практику участвовать вместе с парусником

в большой парусной гонке, посвященной миллениуму. Гонка состояла из двух этапов: надо было пересечь Атлантику вначале с востока на запад, потом – с запада на восток. В первом этапе мы заняли второе место, уступив питерскому «Миру», поэтому второй этап для всего нашего экипажа обещал пройти под знаком реванша, ведь что «Мир» – он хоть и русский парусник, но все-таки не наш «Крузенштерн».

Второй этап стартовал в канадском Галифаксе. С «Миром», к нашей всекрузенштерновской радости, с самого начала что-то случилось – он отстал и так и не сумел стать лидером гонки. А мы, наоборот, в первый же день вырвались вперед и значительно оторвались от ближайшего преследователя – аналогичного «Миру» польского парусника «Дар млодзежи».

Однако через несколько дней после старта «Крузенштерну» пришлось выйти из гонки. Сигнал бедствия «Мэйдэй» посылала польская яхта «Погория», участвовавшая в регате по классу маломерных судов. На борту «Погории» случилось ЧП – с мачты на палубу упала девушка, курсант мореходки из города Гдыня Яна Черлинська. Упала, сломала позвоночник и, как было сказано в радиোগрамме капитана «Погории», балансировала между жизнью и смертью. Умирала, короче говоря. А врача на «Погории» не было.

Сигнал бедствия слышали вахтенные всех судов, участвовавших в гонке. Почему не отреагировали – вопрос к ним. Видимо, регата показалась важнее жизни какой-то восточноевропейской курсантки. Капитан же Коломенский объявил по громкой связи, что «Крузенштерн» приостанавливает участие в соревновании, снял печати с машинного отделения, поменял курс на 180 градусов и приказал механикам

дать самый полный вперед (то есть, получается, назад) – навстречу «Погории» с умирающей Яной на борту.

Раненую забрали с яхты, положили к нам в лазарет, врач делал ей какие-то уколы, Коломенский тем временем вызвал из ближайшего порта – Сен-Джонс, кажется, он назывался – вертолет спасательной службы, вертолет прилетел часов через пять, наш фотограф Юра Масляев бегал по палубе, снимая процедуру упаковывания Яны в специальную люльку, которую на тросе подняли на борт вертолета. Коломенский очень смешно бегал вокруг Юры и кричал: «Не стой под вертолетом, он на тебя упадет!» – и все смеялись над Коломенским, потому что понятно, что если вертолет упадет на Юру, ничего не останется не только от фотографа, но и от парусника вообще.

Потом к борту «Крузенштерна» пришвартовался катер оргкомитета регаты, на катере к нам приехал инспектор, который зафиксировал, сколько времени мы потратили на спасательную операцию, опечатав машинное отделение заново, и «Крузенштерн» вернулся в гонку. На следующий день мы снова догнали «Дар младзежи» и снова стали лидерами. А через три недели, когда Атлантика закончилась и мы пришли в Амстердам, представитель оргкомитета официально зафиксировал нашу победу, и, когда в Амстердам уже пришли все остальные суда, на церемонии с участием какого-то принца нам вручили большой красивый кубок из черного дерева и серебра, специально изготовленный канадскими мастерами для победителя регаты.

И если вы думаете, что на этом история закончилась, то вы ошибаетесь, потому что здесь идет речь о поляках. Месяца через три после финиша регаты капитан Коломенский по-

лучил из Международной ассоциации парусных судов (она устраивала регату) уведомление о том, что капитан «Дара млдзежи» направил в эту ассоциацию жалобу на капитана «Крузенштерна» – Коломенский, по мнению его польского коллеги, незаконно использовал в парусной гонке двигатель, поэтому победа должна достаться «Дару млдзежи», а «Крузенштерн» должен быть дисквалифицирован.

Разбирательство длилось несколько месяцев. Поляки требовали дисквалификации, Коломенский показывал протокол опечатывания машинного отделения, бельгийцы и американцы из парусной ассоциации тихо сходили с ума от неприличных внутриславянских разборок. В конце концов претензии «Дара млдзежи» специальная комиссия признала необоснованными, но союз канадских городов, предоставивший регате тот красивый кубок, неожиданно вспомнил о том, что кубок – переходящий, и потребовал от российской стороны его вернуть. Сейчас кубок стоит в каком-то канадском музее – видимо, до следующего миллениума.

Польская девушка Яна все это время лежала у себя в Гдыне в больнице, приходя в себя после травмы. В калининградских газетах, в которых написано о том, что Коломенскому дали медаль, я прочитал, что девушку после травмы бросил ее жених, с которым она вместе ходила в море на «Погории». В самом деле – зачем ему она с переломанным позвоночником-то?

Сейчас, когда варшавские и московские власти обмениваются топонимическими приветствиями – они нам Дудаева, мы им Муравьева-вешателя, – я вспоминаю девушку Яну и капитана «Дара млдзежи».

30 марта 2005

революция еды

коль скоро мы заговорили о еде, давайте и дальше о ней. Я больше никогда не пойду есть в «Макдоналдс». В субботу ездил в Солнечногорск на допрос по делу Кашина-Яшина (по доброй традиции, следователь неделю вызванивал меня по мобильному, наконец уговорил приехать – приезжаю, а его, конечно, нет; так я и остался не допрошенным). На каком-то этапе захотелось есть, а Подмоскovie тем и отличается от нормальных русских областей, что там в каждом райцентре имеется «Макдоналдс». Поел, вернулся домой – а там любимая женщина ни с того ни с сего (раньше с ней такого не бывало) говорит: «Хочу в «Макдоналдс». Пришлось идти второй раз, а два раза по три гамбургера – это, я вам доложу, кошмарный удар по желудочно-кишечному тракту. Уже вон сколько дней прошло, а я без содрогания о «Макдоналдсе» думать не могу и, полагаю, не смогу еще долго. Поэтому, когда поеду в Солнечногорск или еще куда и проголодаюсь, есть пойду в какое-нибудь менее одиозное заведение – слава Богу, таких на Руси сейчас много.

У всех них разные названия (чем дальше от Москвы, тем чаще это женские имена). Разные интерьеры. Иногда в углу стоит телевизор с караоке, чаще – просто играет приемник

с «Русским радио». Ленивая (то ли не выспавшаяся, то ли с похмелья) официантка принесет меню. В меню можно не смотреть: не важно, что названия и интерьеры этих маленьких кафе путинской России разные, в меню всегда одно и то же. Из первых блюд везде есть солянка – кажется, поварам таких кафешек доставляет удовольствие сознание того, что в суп можно бросить оливку и лимончик. Из салатов – обязательный «Цезарь». На второе или мясо по-французски – мясо, запеченное с сыром и помидором, с гарниром из пережаренного картофеля фри, – или, на выбор, жаркое в керамическом горшочке. И хлеб в плетеной соломенной корзиночке. Минералка – местная или «Перье». Или, если хочешь просто чаю попить, бутерброд с семгой.

Совок за десятилетия своего существования выработал универсальную советскую кухню – идеальную для новой исторической общности людей, которые питаются в столовых. Винегреты, борщи, котлеты с картофельным пюре, компоты из сухофруктов. Алюминиевые вилки-ложки. Постсоветская или даже все-таки постъельцинская, путинская то есть, эпоха за несколько лет превратила совковую столовую в атавизм – сейчас, если найдешь такую на полузаброшенном заводе или в недоприватизированном учреждении, считай, повезло (у нас в Калининграде недалеко от редакции, в которой я работал, была последняя в городе муниципальная столовая – часто о ней вспоминаю, ностальгирую). А так – в каждом спальном районе большого города, в каждом маленьком городке сотни, тысячи одинаковых кафешек с солянкой и мясом по-французски. В Клину я ел в таком заведении прямо в тамошнем кремле, в Ростове – в каком-то подвале около центрального рынка, во Владикавказе – на

берегу Терека (на двери там висела очаровательная табличка «С огнестрельным оружием просьба не заходить»). Эти кафе – не менее важная примета путинского застоя (или отстоя), чем Петросян в телевизоре и всеильный Сурков в разговорах, чем важные физиономии спецслужбистов и кинофильмы по романам Акунина.

Еда – очень важный культурный (а значит, и политический) фактор. Перед президентскими выборами девяносто шестого года в провинции на дверях продмагов висели портреты Зюганова с надписью «Купи еды в последний раз». На киевском майдане Незалежности, если очевидцы не врут, революционеров кормили непрерывно и повсеместно: у большинства побывавших там главное впечатление – не пресловутый руль на голове Тимошенко и не песни «Океана Эльзы», а именно борщ и чем еще наши украинские братья питаются.

Путинская эпоха тосклива не только предсказуемостью слисок и мионовых, акуниных и петросянов. Она тосклива и своей массовой едой, своим кулинарным мейнстримом. Известно, что причину и следствие люди часто путают, – не тот ли это случай? Патриотический мыслитель Крылов, озаренный похожей догадкой, считает, что власть сменится тогда, когда со сцены сойдет Алла Пугачева с ее свитой. Мне кажется, жизнь в стране изменится, когда Россия перестанет хлебать одинаковую солянку, ковыряться ножом в мясе по-французски, закусывать салатом «Цезарь» и бутербродами с семгой. Проблема поголовной идейной бедности всех оппозиционных и провластных сил и деятелей может быть решена, если кто-то из них предложит стране реальную кулинарную альтернативу, которая объединит нацию и поло-

жит начало пресловутому *мегапроекту «Россия»*, о котором в той или иной мере мечтает каждый из нас. Революция еды – вот что спасет Россию.

20 апреля 2005

ЖИЗНЬ С МИ

Надеюсь, не открою большого внутриредакционного секрета, если расскажу, что понедельничный номер – тот самый, с белыми страницами, посвященными Альфа-банку, – сразу же, в день выхода, появился в застекленной рамке на коммерсантовской лестнице рядом с так же застекленными историческими (перевороты, дефолты, денежные реформы etc) номерами газеты прошлых лет. Конечно, это справедливо – вон даже в Financial Times написали, что заголовок «Полный истец» рифмуется с русским словом, означающим «фиаско». Заголовки – это, пожалуй, не меньший символ нашей газеты, чем пресловутый твердый знак или, скажем, дверная ручка в форме протянутой для приветствия руки. Многие до сих пор убеждены, что у нас существует специальный штат копирайтеров, выдумывающих все эти «Пришли за таким-то» или «Президент положил на конституцию». Таких копирайтеров на самом деле нет (сами придумываем), но что правда, то правда – газетный заголовок был и остается серьезным и важным искусством.

Когда я вижу первую полосу «Правды» тридцать седьмого года с передовицей «Взбесившихся собак надо расстреливать», испытываю непередаваемое чувство – даже если

забыть о содержании текста, заголовков не перестанет быть безумно стильным и эмоционально заряженным на десятки лет вперед. Произнесите вслух и вслушайтесь: «Взбесившихся собак надо расстреливать». Симфония! Сейчас аналогичные тексты озаглавливаются гораздо пошлее и унылее, как-нибудь вроде «Путин укрепляет государство, а не себя». Ну укрепляет, ну и что? Ерунда какая-то, баловство. Лучше уж про собак, в самом деле. Про взбесившихся.

Или, скажем, Эренбург в войну статьи писал. Что ни заголовков – то выстрел или как минимум щелчок затвора: «Ненависть», «Мсть», «Гнев», «Хватит», «Убей немца». А сейчас – когда прошлой осенью все с подачи того же Путина говорили, что «*России объявлена война*» (почему, кстати, сейчас об этой войне никто не говорит? победу вроде не объявляли), официоз не сумел из себя выдавить ничего, кроме заголовка «Внутренний враг и национальная идея». Представьте, что Эренбург статью «Убей немца» озаглавил бы «Немец и национальная идея» – мне кажется, его бы за такой заголовок немедленно расстреляли, причем справедливо.

Искусство заголовков наши газеты начали утрачивать, думаю, после войны. Блестящее довоенное «Сумбур вместо музыки» незаметно уступило место тоскливому «Об одной антипатриотической группировке театральных критиков» – и пошло-поехало. Знаете, как называлась разгромная статья в «Литературке» о романе Кочетова «Чего же ты хочешь?». Да так и называлась: «О романе Кочетова «Чего же ты хочешь?». Иногда, конечно, случались озарения вроде куртуазного «Рагу из синей птицы», но в большинстве случаев редакторской фантазии хватало только на что-нибудь вроде

«Против антиисторизма» – если уж от заголовка хочется спать, чего можно ждать от самой статьи?

Последним советским заголовком, наверное, стоит считать название репортажа Александра Гамова (сейчас автор очерка о всенародной поддержке инициатив ГКЧП работает в «Комсомольской правде», входит в президентский пул) в «Советской России» 20 августа 1991 года: «Поддержка решительных мер». Я помню это бесцветное название только потому, что сохранил тот номер газеты, а другой заголовок тех дней – из провинциального «Вечернего Ставрополя» – запомнился на всю жизнь: «Браво, русич Ельцин!» – бессмысленное сочетание трех неудачных слов, но как цепляет, согласитесь. Сам «русич», кстати, в те дни отметился собственной статьей в «Общей газете» под совершенно ленинским заголовком «Демократия должна уметь защищаться». Если бы я был редактором, я бы заменил этот заголовок на другой оборот из того текста – «Кирзовый сапог диктатуры», тем более что второго Ленина из Бориса Николаевича все равно не получилось.

А потом началась великая эпоха газетных заголовков – ну как забыть декабрьские (девяносто первого года) номера, скажем, «Комсомолки» и того же «Коммерсанта» с переполосными заголовками, соответственно: «Я проснулся – здрасьте, нет советской власти» и «Союз развалился республик свободных». Случалось, газеты ехидно цитировали друг друга, подкалывая, – после статьи Владимира Бондаренко в тогдашнем «Дне» под пафосной шапкой «Нас остановит только пуля» в «МК» вышла статья Александра Минкина «Их остановит только пельмень». К осени девяносто третьего эта практика дошла до абсурда – «Российская га-

зета», переставшая выходить после номера с первополосным «Президент растоптал конституцию», вернулась к читателю через две недели с ликующим «Президент спас страну».

Техническая оснащенность нашей прессы тем временем выходила на новый уровень, и, случалось, важнее оказывалось не содержание заголовка, а место, которое он занимает. Когда взорвался Дмитрий Холодов, заголовок «У нас горе» верстальщики «Московского комсомольца» вынесли на самый верх, над логотипом газеты. С тех пор в «МК» каждый день заголовок главного текста номера – на этом месте. Сами заголовки, правда, тоскливы – то маньяк кого-нибудь зарезал, то Валерия замуж вышла, то еще что-то в этом роде.

Все чаще отдельным произведением заголовочного искусства становился не один заголовок, а несколько – в разных газетах. После 11 сентября это было заметно сильнее всего: официозные издания вышли с первополосными перечислениями типа «Каширка, Печатники, Манхэттен», либо с циничновато-отстраненным «Апокалипсис нау», и только в газете «Завтра» ликовал Александр Проханов – «Ангел смерти поцеловал Америку». Впрочем, прохановские заголовки требуют отдельного исследования, они не подчиняются общим законам. Другое дело – например, реакция «Коммерсанта» и «Известий» на теракт в Тушине: соответственно «Террор против рока» и «Рок против террора». Но это просто курьез, а вот когда после штурма в Беслане пропрезидентская «Жизнь» вышла с первой полосой «Мы плачем», а «Ъ» – с заголовком «Бесланный конец», – тут уже никаких курьезов, тут позиция, выраженная именно в заголовках, тексты же репортажей можно было безболезненно переставлять из од-

ной газеты в другую, про девять арабов и негра писали все, другой информации власть не давала.

Сейчас большинство наблюдателей единодушно в том, что страна, как сказал бы известный киногерой, *«накануне грандиозного шухера»*. Допустим, что это так. В этом случае интереснее всего будет следить за событиями – будь то всеобщий пенсионерский бунт или палаточный майдан на Красной площади – именно по газетным заголовкам. В самом деле, что напишут на первых полосах «Жизнь», «Коммерсантъ», «Комсомолка», и главное – кто в конце концов поставит заголовок «Мы победили»?

2 февраля 2005

подлость как признак лояльности

Об этой истории в прошлом году много писали в московских газетах. История действительно забавная, унтерпришибеевщина в чистом виде: год назад, накануне президентских выборов, калининградские милиция и прокуратура сбились с ног в поисках, надо полагать, главного преступника Калининградской области – неизвестного гражданина, штамповавшего на десятирублевых купюрах специально изготовленной печатью лозунг «Россия без Путина».

Найти и поймать этого человека было несложно. Для этого оказалось достаточно проверить все фирмы, которые изготавливают печати и штампы. Злоумышленника задержали, посадили на три дня в СИЗО, а потом долго искали статью, по которой его можно осудить. На разжигание розни или, скажем, призывы к изменению строя деяние не тянуло, поэтому остановились на оскорблении должностного лица при исполнении. Это, собственно, и помогло обвинению развалиться чуть ли не на первом заседании суда – допросить само оскорбленное должностное лицо (то есть гражданина по фамилии Путин) следствие не решилось, а без его заявления выявить состав преступления не удалось. Парня, штамповавшего свою агитацию на купюрах,

оправдали за отсутствием состава преступления, и дело было закрыто.

Калининград – маленький город. Человек, который в течение почти всего года был фигурантом самого скандального уголовного дела, не смог не стать местной знаменитостью. Михаил Костяев (так зовут этого парня) возглавил калининградскую организацию партии нацболов – прежний ее лидер Денис Оснач сейчас сидит в московской тюрьме за захват приемной президента. Когда в январе в Калининграде, как и во всех остальных городах, митинговали пенсионеры, Костяев не пропустил ни одного митинга и к весне на фоне достаточно унылых областных политических деятелей сделался очень яркой фигурой. Биография Костяева также сделалась предметом общественного интереса, и на прошлой неделе бывший костяевский работодатель – издатель газеты, в которой Костяев работал верстальщиком накануне ареста, – написал о Михаиле целую статью, из которой читатели почерпнули несколько новых эпизодов, связанных с личностью этого нацбола.

Действительно, интересный вопрос: человек работал, потом попал под суд по дурацкому (не станем говорить «политическому») обвинению, был оправдан – но на работу не вернулся. Почему? На этот вопрос и отвечает работодатель. *«Он недолго работал у нас в редакции, – пишет он о Костяеве. – И я, узнав из прокурорского представления о его участии к акции «Россия без Путина» (штамп на десятирублевках перед выборами), предложил ему уволиться по собственному желанию. Он уволился сам. Спасибо ему».*

Итак, человек попал в поле зрения прокуратуры как участник акции «Россия без Путина». Прокуратура разбира-

лась с этим делом почти год, и в итоге суд парня оправдал. Он ни в чем не виноват, понимаете? Но работодатель не стал дожидаться решения суда. Он выгнал парня с работы сразу же, как только тот стал фигурантом этого дела, чтобы не дай Бог никто не подумал, что он, работодатель, имеет какое-то отношение к трем, в общем-то, некриминальным словам – «Россия без Путина». Калининград – город маленький. В Калининграде ни для кого не секрет, что когда Костяева уволили, ему даже не разрешили зайти в редакцию за вещами – их ему вынес на улицу охранник. Ни для кого не секрет и звонок из газеты в пресс-службу местного УВД с просьбой не указывать в очередной сводке происшествий место работы Костяева.

И вот проходит год, и в газете, которая вышвырнула на улицу своего оказавшегося в беде сотрудника, ее издатель уже публично, а не на уровне слухов, с гордостью признается: да, я его выгнал, потому что *«я – за Россию с Путиным. И с его людьми. По крайней мере на ближайшие годы»*. И заодно публикует служебную анкету Костяева (документ, предназначенный для чего угодно, только не для публикации), в которой тот – вот мерзавец! – называет своим любимым историческим персонажем Троцкого. Нехилый компромат, правда?

Особенно умиляет *«и с его (Путина) людьми»*; «люди Путина» в отдаленном регионе – это местные коррумпированные чиновники и силовики.

Мерзко. Мерзко в любом случае – и если кто-то попросил написать этот текст в обмен на прощение каких-нибудь хозяйственных грехов, и если издателю просто захотелось таким вот экстравагантным способом продемонстрировать

свою лояльность. Интересно, когда к вам, читатель этой колонки, придет человек, который скажет: «Смотри, какие подлости я умею делать! Давай дружить!» – вы с ним дружить захотите? Вряд ли. Но это мы с вами, а власть у нас другая, она отличается от нас всем – в том числе и моралью. И дружить с ней, с властью, можно только совершая подлости, иначе нельзя.

Нетрудно догадаться, почему я так болезненно реагирую на подобное поведение работодателя. За последние полтора года я сам шесть, что ли, раз оказывался в поле зрения прокуратуры и прочих силовых органов – но мои вещи почему-то как лежали в моем кабинете на работе, так и лежат, никто мне их не выносит на улицу и никто не пишет в газетах, что да, мол, работал такой у нас когда-то, но едва стало известно о (нужное вписать), его попросили уволиться. Я настолько привык к тому, что профессиональной репортерской деятельностью могу заниматься, не опасаясь звонка главному редактору со Старой площади или ее окрестностей, что любая другая ситуация мне кажется дикой. А она уже давно не дикая. Это норма.

Тут самое время сказать: вот, собственно, так и расколото наше общество. «За Путина» – такие люди, как тот работодатель, «против Путина» – наоборот, достойнейшие и порядочнейшие. Но мы с вами прекрасно понимаем, что это не совсем так. Среди тех, кто «против Путина», – много, может быть даже слишком много не меньших подонков, чем те, кто совершает подлости, демонстрируя преданность своему президенту. Просто на антипутинской стороне поле для подлостей сегодня гораздо уже, чем на стороне тех, кто «за Путина». Власть сама выталкивает на антипутинскую сторону

тех, кто не желает идти против, простите за пафос, совести. А поскольку хороших людей у нас все-таки гораздо больше, чем плохих, 2008 год мы, думаю, встретим с многочисленной оппозицией.

9 марта 2005

есть у меня подозрение (наверняка ничем не подтверждающееся), что аудитория двух СМИ со словом «русский» в названии – журнала и радио, естественно, – если и пересекаются, то не в массовом порядке; в частности, далеко не каждый из читающих эту колонку регулярно слушает на соответствующей частоте шутки Николая Фоменко и новые хиты Верки Сердючки. Собственно, для таких читателей и сообщая: недели две назад по «Русскому радио» начали ежедневно, дважды в сутки – в полночь и в шесть утра – передавать государственный гимн нашей страны – полную хоровую версию в трех куплетах. В первые годы существования радиостанции на ее волнах такая традиция уже была – каждую полночь звучал гимн «Русского радио», разухабистая песенка со словами *«и в автомобиле я приемник включил, милая, родная, хоть немного помолчи, я же слушаю радио»*; потом от этой песенки почему-то отказались, и в полночь ничего не звучало. А теперь звучит государственный гимн – в полночь и в шесть утра.

В те теперь уже достопамятные времена, когда слово «патриот» было ругательством (строго говоря, ругательством оно никогда не было, но вот принято о тех временах так гово-

рить), среди тех, кто возмущался немодностью патриотизма, было модно ссылаться на американский опыт – ну, все мы помним, как в любом споре обязательно находился тот, кто говорил: «А вот в Америке все вешают на свои дома флаг, а когда гимн играет, все плачут». Такому аргументу, конечно, противопоставить было нечего, и спор на нем заканчивался. За прошедшие же годы Америка, слава Богу, светочем и маяком для большинства из нас быть перестала, и – опять же слава Богу – пример американского патриотизма перестал быть универсальным аргументом в спорах о патриотизме. И частная радиостанция в FM-диапазоне может позволить себе передавать гимн дважды в сутки. Не побоюсь ошибиться в прогнозе: уже в течение нынешнего года за «Русским радио» подтянутся остальные станции, и однажды в полночь, обшарив весь диапазон, двадцать (или сколько там у нас FM-радиостанций) раз подряд каждый из нас услышит обрывки хорошего исполнения старой песни на невнятные слова, авторство которых приписывается Сергею Михалкову.

Конечно, такая форма популяризации гимна гораздо эффективнее, чем памятные всем нашим болельщикам футболки с текстом на спине. И вообще это, если честно, здорово: в одно и то же время, во всех уголках все еще необъятной страны на всех волнах звучит одна и та же мелодия; дух захватывает, когда представишь эту картину – и пограничник на дальней заставе, и вахтер в каком-нибудь учреждении, и продавец ночного магазина, и все-все-все одновременно слушают гимн. Но что-то не дает радоваться в полную силу, что-то останавливает.

Сейчас, к началу две тысячи пятого года, мы пришли к такой ситуации, которую в свое время очень точно охарактере-

ризовал какой-то эстет-антисоветчик: если бы газета «Правда» вдруг начала использовать мат в своих передовицах, народ тут же перестал бы ругаться матом. То же самое происходит сейчас: все меньше веры новостям федеральных телеканалов (да и как, в самом деле, поверить, например, тому, что жена и сын адвоката Ивлева собрались к нему в Америку с дозой героина в чемодане?), все злее мат в трамваях и метро в адрес Путина и правящей партии. И вот в такой, так скажем, сложной ситуации нам возвращают одну из наиболее одиозных примет совка – гимн по радио. Кто это придумал? На что он рассчитывал? Иногда действительно кажется, что единственная логика действий нынешней власти – стремление как можно быстрее обрушиться. Идиотские приговоры по уголовным статьям за административные правонарушения, уже упомянутые дети адвокатов с героином, омоновцы с собаками, разгоняющие демонстрации, этот вот гимн по радио, – никакой другой логики обнаружить не получается.

Я же на прошлой неделе общался с сорок пятым десантным полком – тем самым, офицеров которого судили за убийство Холодова. Полк судился с журналисткой Политковской из-за ее статьи о том, что на стрельбище полка проходят подготовку бойцы подольской ОПГ. Один из моих коллег недавно ужасался тому, что наши люди никому не верят – ни Рогозину, ни той же Политковской. У меня – другая проблема. Я верю в данном случае и Политковской, и десантникам. А почему бы, собственно, не поверить тому, что в полку учатся стрелять подольские бандиты? В самом деле, надо же им где-то учиться. Но в то же время – вот звоню я командиру полка, и командир, прежде чем начать со мной разговари-

вать, долго спрашивает, за кого я – «за нас или за ту бабу», потом долго оправдывается насчет того, что никаких личных счетов у него к Политковской нет, а офицера, который ей все про полк рассказывал, из полка выгнали за аморалку и теперь он мстит за то, что его выгнали. Это, конечно, неправильное журналистское качество – верить ньюсмейкерам, но очень сложно не верить воевавшему мужику, который, вместо того чтобы заниматься своими прямыми обязанностями – а их у командира полка достаточно, – оправдывается перед всеми, даже передо мной, объясняя, что полк судился за *деловую репутацию* не потому, что он коммерческими делами занимается, а потому, что другой репутации в гражданском кодексе нет. Это мое чувство родом из девяносто первого года, из января, когда в Москве на Пушкинской, на здании «Московских новостей», висел литовский флаг с черной траурной ленточкой, и деятели искусства – кажется, абсолютно все деятели – бойкотировали государственное телевидение, потому что по нему показывают неправильные новости из Литвы. А по телевизору шел фильм Невзорова про омонцовцев, которые прячутся за затемненными окнами от свободолюбивых литовских снайперов, и на касках и автоматах омонцовцев специально для той съемки белой масляной краской было написано: НАШИ. И было понятно, что они действительно наши, но они обречены, потому что они прячутся за занавесками, а на «Московских новостях» – литовский флаг с черной ленточкой.

Если бы кто-нибудь меня спросил, что я знаю о литовской борьбе за независимость, я бы рассказал такую историю. В перестроечной Литве было модно в знак протеста вешать вначале на заборах и автобусных остановках, потом и

на баррикадах, когда баррикады появились, советские ордена и медали – мол, подавитесь, оккупанты. У литовцев было много орденов и медалей – кто-то получал их за Афганистан, кто-то – за ударный труд, не важно. Так вот, выбрасывая свои заслуженные награды, литовцы оставляли у себя удостоверения, к этим наградам прилагавшиеся. И до самого августа девяносто первого года продолжали по этим документам пользоваться полагавшимися орденосцам льготами – бесплатным проездом, сниженными тарифами за жилье и так далее. У меня тогда в Литве работал отец, его сослуживцы, приезжая к нам, с гордостью об этом своем шулерстве рассказывали.

Неприятно, очень неприятно жить между совком и шулерами. Но круг, похоже, замкнут крепко. Или, как в анекдоте, «Я тебе попереключаю!», или – вражеский снайпер, прикрываемый либеральной общественностью. Какой уклон хуже? Оба хуже.

9 февраля 2005

ХОДИЛИ мы во вторник с коллегой Ольшанским на телевидение. Обсуждать, естественно, дело Иванниковой. Дискуссия, как и полагается в популярных ток-шоу, была предельно бестолковая. Ведущий под аплодисменты публики радостно приглашал в студию какую-то девушку, которая *шесть часов пролежала изнасилованная на снегу*. Юмористка Клара Новикова смешно рассказывала, как ее однажды в лифте два каких-то мужчины раздели, но насиловать не стали, и потом Кобзон спросил ее, не обидно ли ей было, что не изнасиловали. Психолог-сексолог Шахиджанян громко и долго читал стихи о Багдасаряне и Иванниковой. Пожалуй, только рекламные паузы свидетельствовали о том, что мир еще не окончательно сошел с ума.

Помимо прочих в дискуссии активно участвовало то ли четверо, то ли пятеро одинаковых молодых людей в темных пиджаках со значками в виде двуглавых орлов на лацканах. То есть говорил за всех один, а остальные ему очень выразительно кивали. Тот, который говорил, очень спокойно произносил фразы, смысл которых сводился к тому, что *мы* (он так говорил – «Мы», не уточняя, от чьего имени говорит) не допустим

того, чтобы русских женщин безнаказанно насиловали, лишали права на самозащиту и сажали в тюрьмы; что по статистике большинство изнасилований в Москве совершают понаехавшие (он так и говорил – «Понаехавшие») и кавказцы и что эту проблему надо решать.

Так уж вышло, что именно в этот момент мне удалось выхватить микрофон из рук разговорчивого психолога-сексолога Шахиджаняна (у нас с ним был один на двоих микрофон) и сказать, что Иванникова – несчастная женщина, потому что на ее трагедии пиарятся такие вот (я показал рукой на тех то ли четверых, то ли пятерых) *фашисты*. Я так и сказал: «фашисты», – и сам вздрогнул, потому что сам не поверил в то, что произнес это слово применительно к русским, имея в виду ровно то, что имеют в виду, произнося это слово, всевозможные правозащитники, либералы, нерусские националисты и прочая русофобская публика.

Остаток передачи я просидел, уже не слушая дискуссию и не принимая в ней участия, а думая о том, что произошло.

Всю сознательную жизнь я вздыхал по временам, когда лидер страны мог поднять на торжественном приеме в честь Победы тост за русский народ как самую выдающуюся нацию из живущих в стране, а в гимне пелось о том, что народы страны *сплотила навеки великая Русь*. Всю сознательную жизнь меня коробило от словечка «россияне», а когда я начал работать в газетах, самым большим удовольствием для меня было, ругаясь с корректорами, отстоять в тексте заметки слово «русский», не давая его заменить словом «российский» или «россиянин». Далее, я, будучи реалистом, прекрасно понимаю, что демографическая ситуация

в стране такова, что завтра-послезавтра нерусских в той стране, в которой всегда подавляющее большинство жителей было этническими русскими, станет значительно больше, чем нас, русских; кроме того, если сегодня азербайджанцы торгуют на рынках, таджики кладут кирпич на стройках, киргизы подметают московские дворы, то завтра их дети, закончив университеты, займут те места на всех этажах российского (уже действительно именно российского) мироустройства, будут говорить по-русски с акцентом и есть шаурму из фарфоровых тарелок ломоносовского завода имени Гейдара Джемала. И эта мысль о нерусском будущем русской страны тоже, в общем-то, тревожит.

Я не менял своей позиции на этот счет. Для меня всегда были тошнотворны истерики по поводу «русского фашизма», «таджикской девочки» и прочих подобных вещей. На любые подобные речи срабатывал рефлекс, как в известной байке про желтую повязку датского короля. А тут – бабах! – и сам начинаю визжать «Фашисты», как распоследняя Алла Гербер. Почему?

Тоже рефлекс, если честно. Когда группа частных лиц – не важно, симпатичных персонально мне или нет, – берет какую-нибудь общую ценность и провозглашает ее своей ценностью, будь то «Наши» с Гагариным, РПЦ с адмиралом Ушаковым или, как сейчас, тусовка профессиональных патриотов, взявшаяся защищать русских так, что дым столбом стоит, – когда они эту ценность присваивают, а ты в их группу неходишь, возникает вопрос «как быть?». И ответ на него только один, по-моему, – отойти в сторону, не мешать ребятам резвиться. Ты один, а их много. Без вариантов.

В первый раз, кажется, это случилось в девяностом году, когда Ельцин избрался председателем Верховного совета РСФСР, и слово «российский» стало ассоциироваться не собственно с Россией, а с небритым мэнэссом в шапке-пидорке, завсегдаем бело-сине-красных митингов, читателем газеты «Куранты» и слушателем тогда еще коротковолнового «Эха Москвы». И все как-то сразу забыли, что еще за год до этого «Российскими чтениями» назывались вполне охранительные читательские конференции «Нашего современника» и «Молодой гвардии», а еще несколькими годами раньше сусловская цензура меняла в известной песне про друзей-однополчан одну строчку, и получалось «здесь живет семья *советского* героя, грудью защитившего страну». Девяностый год, когда слово «Россия» было похищено у всей страны одной группировкой, борющейся за власть, приучил страну к тому, что именно эта группировка может воровать слова. Что только одиозные персоны из «того» лагеря способны хитрить и обманывать, шельмовать и травить. Русская тема слишком долго была заперта в темной комнате, и за априорным сочувствием к этому историческому недоразумению я, каюсь, не заметил (да, думаю, не один я), как из этой темной комнаты вышли совсем не те, кого можно было бы ожидать – не менее крикливая и омерзительная, чем русофобы, шайка профессиональных русских. Ситуация, ничем не отличимая от той, когда из всеобщего справедливого неприятия антисемитизма выросло мало-симпатичное государство Израиль.

Одинаковые люди в костюмах со значками двуглавых орлов, толстяки-интеллектуалы с плакатами про Иванникову, борцы и идеологи! Пожалуйста, придумайте себе собствен-

ное наименование, назовитесь как-нибудь по-своему. Партию создайте, в конце концов. Не делайте из своей русскости профессию, пожалуйста.

А то нам, остальным русским, будет стыдно быть русскими. Не хочется, знаете ли.

15 июня 2005

ЖИЗНЬ НАЧАЛЬСТВА

В калининграде во вторник было землетрясение.

Первым о нем сообщило агентство «Регнум». То есть оно сообщило: *«ощущался мощный толчок, как при землетрясении»*. Но на самом деле это, конечно, был взрыв, причем мощный и в центре. Так и написано: *«В центре Калининграда произошел мощный взрыв»*.

Нетрудно представить, как это происходит. Сидит корреспондент у себя в редакции или дома, не знаю, и вдруг начинают трястись стены, звенеть оконные стекла и падать со стен семейные фотографии в застекленных рамочках. Какая первая мысль? Правильно. События августа-сентября не оставляют простора для каких-то размышлений: из-за чего еще могут затрястись стены, как не из-за взрыва?

Это было странное землетрясение. Не в том смысле, что Земландский полуостров всегда был сейсмически спокойной местностью (хотя и в этом тоже), а в том, что никто долго не хотел верить в землетрясение – как-то отвыкли мы, что гадостей можно ждать от самого безобидного, что у нас осталось, – от природы. Сразу нашелся какой-то *«мужик из Ташкента»*, который сказал, что при землетрясениях трясет по-другому, потом заговорили об аварии на Игналинской

АЭС в Литве, потом – о тайфуне, который грозит приморским городам, и МЧС уже **начинает эвакуировать** жителей этих городов.

Когда стало ясно, что это все-таки землетрясение (мужик из Ташкента посрамлен), все почему-то начали веселиться. То есть люди, конечно, паниковали (звоню в Калининград маме на работу, трубку по параллельному телефону берет какая-то женщина, которая просит не занимать телефон, потому что собирается звонить в мэрию и выяснять, когда начнется эвакуация). Но в целом – всекалининградский вздох облегчения был слышен и в Москве. Звонок. «Кашин, ты же мне завидуешь?» Это знакомая-москвичка, поехавшая на несколько дней в Калининград и пережившая землетрясение за столиком кафе. Столик, по ее словам, покачнулся так, что с него что-то упало (в это я, впрочем, верю слабо).

Паника сменилась ликованием. Пускай нервным, на грани истерики, но все-таки ликованием. *«А в оставшихся открытых магазинах – сметено почти все спиртное и очередь из мужиков стоит!!!! Все будут стресс снимать!»* В самом деле – ждали теракта, а получили землетрясение. Прикольно.

Люди, конечно, для порядка ходили с чемоданами по улицам, но потом пошел дождь (к землетрясению прибавилось штормовое предупреждение), мокнуть под дождем никто не хотел, и все закончилось звонками встревоженного населения в местное «Времечко» – как и следовало ожидать, моментально нашлись люди, у которых «лопнули стены», – по странному совпадению, почему-то именно в тех районах (поверьте старому калининградцу), жители которых уже лет пятьдесят безрезультатно просят городские власти

отремонтировать ветхие дома немецкой постройки. Бог даст, сейчас наконец отремонтируют.

Не знаю. Может быть, я упрощаю или усложняю, но – если кто-то хотел просканировать настроение в обществе после терактов, то вот вам пожалуйста. Бедные американцы во главе со своим Бушем молятся, чтобы ураган со странным для природного явления именем Иван их миновал, а у нас – какие молитвы? Карнавал скорее какой-то, праздник. Тоже, кстати, интересный момент: по поводу этого Ивана к нации обращается президент страны, а при калининградском землетрясении единственным официальным лицом, объясняющим гражданам, что происходит, становится вышедший под вечер из подполья начальник управления ГО и ЧС, губернатор же Егоров так в течение дня знать о себе и не дал – не принято это у нас. Да никто, собственно, и не ждет. Всем ясно, что если происходит что-то, выходящее за рамки традиционного для власти алгоритма, власть испаряется, чтобы появиться уже по окончании чрезвычайного происшествия. Давайте поспорим: через пару дней, когда подземные толчки закончатся, калининградский губернатор соберет партхозактив и скажет, что землетрясение продемонстрировало неэффективность областной системы управления, и он, Егоров, принял решение изменить порядок избрания глав районов – для предотвращения новых землетрясений будет целесообразней избирать этих глав законодательными собраниями по представлению губернатора. Да и митинг «Калининградцы против землетрясений» представить несложно – с обязательной заявкой за десять дней до землетрясения, как и полагается по закону.

Все абсолютно так же, как всегда. Растерянность властей и ответственных за безопасность населения служб. Местные радиостанции и телекомпании, не давшие ни одного экстренного выпуска. Еще – по радио передают по очереди два Важных Сообщения: одно о том, что ожидаются новые толчки, МЧС рекомендует покинуть дома, второе – о штормовом предупреждении и о том, что из домов выходить не надо. Не хватает, пожалуй, только Быкова, который, ползая под дождем из кирпичей, размышлял бы о том, как жить дальше и что там сейчас пишут в ЖЖ. Последний, к слову, и для самих калининградцев, и для более удаленной публики во вторник был главным источником новостей о землетрясении – как, впрочем, и слухов. Не очень, конечно, хорошо, но выбирать особо не приходится.

22 сентября 2004

мужской разговор

Дознаватель ГУВД Московской области со смешной фамилией Горошко пришел ко мне на работу как частное лицо к частному лицу. Точнее – это он сам так сказал, – как мужчина к мужчине. Дознаватель Горошко долго выяснял по телефону, в каком вагоне из центра надо ехать в редакцию на метро, и приехал, как и обещал, ровно через час после нашего разговора. Я тем временем заказал ему пропуск, сам встретил его у подъезда и проводил в редакционный буфет – чтобы, собственно, и поговорить по-мужски.

Суть мужского разговора заключалась в следующем. На прошлой неделе губернатор Громов заявил, что из Подмоскovie надо выселить всех нелегально проживающих здесь людей, «в особенности – выходцев с Кавказа», и дал соответствующее поручение областным силовикам. Областные силовики, которых я просил прокомментировать губернаторскую инициативу, почему-то отреагировали на нее более вяло, чем следовало. Если быть точным, единственным силовиком, который согласился хоть как-то отреагировать на заявление губернатора, был всего лишь пресс-секретарь областного ГУВД Александр Михайлович Алексеев, да и тот сказал, в общем-то, нечто банальное и неинтересное – мол,

выселять нелегалов мы можем только по решению суда, а так – милиция как работала, так и будет работать, никаких изменений не предвидится.

В общем, заметка об антитеррористических инициативах губернатора Громова получилась вялой и неинтересной. Кто же знал тогда, в прошлую пятницу, что именно она, эта заметка, станет причиной мужского разговора между мной и дознавателем Горошко!

Дело в том, что уже после появления заметки, а именно – позавчера, оказалось, что пресс-секретарь Алексеев сказал мне то, чего настоящий милиционер говорить не может. То есть настоящий милиционер не имеет права говорить, что инициативы губернатора ни на что не повлияют, – потому что этим он, конечно, оскорбит губернатора, что совершенно недопустимо. Поэтому начальник ГУВД Московской области Николай Владимирович Головкин распорядился провести служебное расследование и наказать виновных. Расследование было поручено дознавателю Горошко.

Итак, мы разговариваем по-мужски. Дознаватель Горошко называет пресс-секретаря Алексеева только «этот человек» и просит меня воссоздать обстоятельства инцидента в мельчайших подробностях, какие только я помню. Я рассказываю. Дознаватель Горошко слушает, а потом достает лист бумаги и говорит, что хочет написать протокол. Я говорю, что пускай будет протокол, только подписывать его я не хочу. Дознаватель Горошко отвечает, что это не важно, и старательно пишет от моего имени – мол, я, такой-то такой-то, такого-то числа, находясь на рабочем месте по адресу такому-то, позвонил... «Куда вы позвонили, Олег Владимирович?» Я должен вспомнить номер, дознаватель Горошко

очень просит, и я роюсь в записной книжке, называю этот номер. «А кто там снял трубочку?» – «А черт его знает». – «Неужели он не представился? Ой как нехорошо... И, значит, вот тот человек, который снял трубочку, и дал вам телефон этого человека, да?»

Я вдруг замечаю, что и сам уже начинаю называть пресс-секретаря ГУВД Московской области, вчера еще уважаемого человека Александра Михайловича Алексева, «этим человеком». Меня посещает страшная догадка. «Скажите, – спрашиваю я дознавателя Горошко. – Этот человек – он что, на самом деле – не пресс-секретарь, да?» – «Почему же, – отвечает дознаватель, – пока пресс-секретарь. Кстати, а почему вы решили обратиться за комментарием именно к этому человеку? Только честно, Олег Владимирович, – почему?»

И я уже сам мысленно начинаю ругать себя за то, что я позвонил именно этому человеку. Я могу, конечно, сказать дознавателю Горошко, что в обязанности пресс-секретаря в принципе как раз и входит общение с прессой, и если губернатор сказал, что поручает милиции разобраться с нелегалами, кому, черт подери, мне еще звонить, как не милицейскому пресс-секретарю? Я могу это сказать, но вместо этого говорю дознавателю Горошко, что да, согласен, не подумал, постараюсь больше так опрометчиво не поступать. И дознаватель Горошко отвечает, что действительно нельзя вести себя так опрометчиво, потому что иной раз человек сам не знает, во что он может вляпаться. «Вы уж поосторожнее, Олег Владимирович», – говорит дознаватель Горошко и уходит, обещая вернуться. И я провожаю его по лестнице и обещаю позвонить, если что. И он тоже обещает.

И знаете – позвонил. На следующее же утро, в девять часов. Я еще спал, его звонок разбудил меня, и пока я соображал, что это за неизвестный номер определился на моем мобильном, голос в трубке спрашивал меня: «Олег Владимирович, скажите, только честно, а кто подсказал вам эту идею?» – «Какую идею?» – «Ну, по чьему указанию вы позвонили именно этому человеку?»

И я, сам того не ожидая, иду на прямой обман. Я говорю дознавателю Горошко, что я заболел, на работу выйду только через неделю, а когда выйду, то сразу уеду в командировку и ответить на новые вопросы дознавателя Горошко смогу не раньше чем через месяц – если, конечно, через месяц ему еще будет интересно, кто заставил меня позвонить именно этому человеку и кто заставил этого человека сказать мне именно то, что он сказал. Дознаватель Горошко обижается и говорит, что пришлет повестку. Я бросаю трубку и засыпаю дальше.

Конечно, дознаватель Горошко позвонит еще раз. Может быть, даже пришлет повестку. Конечно, служебное расследование по факту недопустимых заявлений пресс-секретаря ГУВД Московской области Алексеева закончится точно в срок, и виновные будут наказаны.

Впрочем, случай с пресс-секретарем Алексеевым нельзя назвать типичным. Пресс-секретарь Алексеев – это пресс-секретарь старой формации, человек из тех времен, когда, скажем, парламент еще был местом для политических баталий (сейчас, как известно, он таковым не является), а пресс-секретари, подобно Александру Михайловичу Алексееву, еще общались с прессой. Современный пресс-секретарь совсем не такой. Идеалом современного пресс-секретаря я

бы назвал главу Центра общественных связей одной серьезной организации. Он, Сергей Николаевич Игнатченко, каждый телефонный разговор начинает с вопроса «А кто вам дал номер моего телефона?», тем самым страхуя себя от проблем, аналогичных проблемам коллеги из ГУВД Московской области. По-моему, такая позиция достойна уважения. Человек хоть и является пресс-секретарем, понимает, что пресс-секретари сейчас не нужны, и делает все, чтобы это поняли все остальные. Сергея Владимировича Ястржембского в 1996 году знала в лицо каждая домохозяйка, а кто может похвастаться тем, что видел – хотя бы по телевизору – Алексея Алексеевича Громова? Полагаю, очень немногие, и это, безусловно, правильно – нужда в людях, способных рассказать о рукопожатии, отпала вместе с нашими сомнениями в крепости этого рукопожатия. Новому поколению чиновников пресс-секретари не нужны. Новое поколение чиновников само прекрасно справляется с пресс-секретарскими обязанностями.

Например, замдиректора Госнаркоконтроля Александр Михайлов (в прошлом, к слову, сам пресс-секретарь ФСБ) в конце мая в Смоленске рассказал журналистам, что нашел покровителей наркомафии прямо в правительстве, точнее – в Минюсте, а когда его попросили назвать имена, раздраженно сказал: «Пушкин! Александр Сергеевич! Но ничего, на него еще найдется свой Дантес!» Дантеса, как нетрудно догадаться, пока не нашлось, а уголовное дело по факту этих, прямо скажем, серьезных обвинений со стороны замдиректора Госнаркоконтроля все-таки появилось. Заявление в Мосгорпрокуратуру написал сам Пушкин, Александр Сергеевич. Оказалось, в Минюсте действительно есть такой человек –

Александр Сергеевич Пушкин. Мирно работает на второстепенной должности и, конечно, никаких наркобаронов не крышует. Уголовное дело по клевете – против газеты конечно, не против Михайлова.

А пресс-секретарь Алексеев, тот самый «этот человек», сегодня прислал в редакцию письмо. Пишет, что сведения о нем, опубликованные в газете, не соответствуют действительности и он требует опровержения. «Комментарии для прессы не входят в мою компетенцию», – пишет пресс-секретарь Алексеев. И это обнадеживает – человек учел свои ошибки и больше никогда не допустит таких инцидентов, которые приводят к мужским разговорам дознавателя Горошко с корреспондентами некоторых СМИ.

15 сентября 2004

В ТОСКЛИВУЮ путинскую эпоху любой мало-мальски значимый скандал – будь то Киркоров с розовой кофточкой или Фетисов с неудачными попытками отставки Колоскова – воспринимается как глоток свежего воздуха. Когда по НТВ в передаче «Страна и мир» показали гособвинителя с суда над национал-большевиками из Минздрава, мне позвонили, не соврать, человек двадцать знакомых и друзей, каждый из которых счел своим долгом спросить: «Ты видел?»

Я видел (причем не только по телевизору), как, заметив стоявшего в стороне от толпы гособвинителя, к нему бросилась мама одного из осужденных, молоденького студента из провинции Сергея Ежова. Сергей отпросился у мамы в Москву на два дня, а остался здесь на пять лет – она, мама, кричала гособвинителю «Палач!» и «За что?». Вначале гособвинитель что-то бубнил насчет законности и уголовного кодекса, а потом взорвался: «Вы, большевики, у власти были, вы моего прадеда к стенке поставили как буржуя! И глазом никто не моргнул! Ненавижу я вашу власть большевистскую! Поняли?! Ненавижу! Коммунисты проклятые! А что вы со страной делали?! А когда вы беременным женщинам саблями пузы рубили?! Вам было жалко?! Вы борцы за классовую

идею! Царскую семью расстреляли! Вам не жалко было. Да?! Ну! Стреляйте в меня! Повесьте! Ненавижу вас, коммуняки проклятые! Поняли?! Всегда буду вас ногами топтать! Ну да-вайте! Я один, вас много!»

Его бы, если честно, самого там растоптали эти матери и бабушки – если бы не милиционеры, которые увели гособвинителя в здание суда, пока ОМОН оттеснял родственников осужденных. Вы это видели по телевизору и наверняка согласитесь со мной: таких истерик с представителями власти не было еще никогда. И это зрелище – бьющийся в падучей прокурор – действительно производит впечатление.

Но меня гособвинитель впечатлил гораздо сильнее. Обо всем по порядку.

Не могу сказать, что меня очень уж сильно радует то, как складываются мои отношения с национал-большевиками. Симпатия симпатией, конечно, но когда мой добрый знакомый Кирилл Ананьев (в партии он занимает пост с милым названием «бункер-фюрер»), приветствуя меня на улице, говорит: «Здравствуй, нацбол Кашин», – мне это не сильно нравится. Потому что при всей симпатии к нацболам я все-таки прежде всего журналист, а журналист должен быть объективен, а не как Панюшкин. Так получилось, что в то утро мне и выдался случай соблюсти объективность – посмотреть на нацболов глазами другой стороны, глазами государственного человека. Не то чтобы я сам, стоя с нацболами перед закрытой дверью Тверского райсуда, думал: «Блин, как бы мне сейчас соблюсти объективность», – нет. Я просто хотел продемонстрировать молодежи свои возможности – позвонить по мобильному

телефону гособвинителю и спросить у него, почему нас не пускают в зал суда.

Тут нужно сделать два уточнения. Во-первых, откуда я знаю номер мобильного этого человека. Все просто: время от времени прокуратура допрашивает свидетелей радикальных акций в центре Москвы, и я на этих акциях несколько примелькался. Поэтому следователи вызывают меня на допросы по-свойски – звонком на мобильный (откуда они знают номер, я так и не смог выяснить). И вот этот гособвинитель мне всегда звонит со своего мобильного. И ему удобнее, и у меня входящие бесплатные. Во-вторых, нужно коснуться личности этого прокурора. Нацболы его ненавидят, пожалуй, больше, чем Путина. Он выступал в роли обвинителя на большинстве процессов по национал-большевикам. Он посадил на три, что ли, года двух нацболов, которые в позапрошлом году на Маяковке подрались с милиционером, а когда в суд пришел телеведущий Парфенов с видеозаписью той драки (на пленке было отчетливо видно, как нацболы лежат на асфальте, а милиционеры их, наоборот, избивают), добился того, что пленку не стали приобщать к делу, потому что «неизвестно еще, монтаж это или настоящее видео – вон Парфенов в своей передаче Брежневу руку жмет, а на самом деле это монтаж». На всех заседаниях, когда выступают защитники, или свидетели защиты, или сами обвиняемые, он сидит за своим столом и демонстративно читает газету «Спорт-Экспресс», и это всех бесит, потому что он не просто газету читает – он дает понять, что сопротивление бесполезно, все равно всех посадят. Нацболы называют гособвинителя Циркачом – во-первых, из-за его акробатических прокурорских умений, во-вторых – из-за созвучной слову «циркач» фамилии. На

предпоследнем заседании один из подсудимых, Максим Громов, прямо из-за решетки назвал гособвинителя этой обидной кличкой, за что потом был избит конвоем и просидел остаток заседания с большим синяком на лице.

Поэтому, когда я набрал его номер и строго спросил: «Господин гособвинитель, почему нас не пускают в зал?», – нацболы сильно удивились; демонизируя этого Циркача, трудно представить, чтобы кто-нибудь вот так запросто звонил ему на мобильный.

Прокурор ответил, что не знает, почему не пускают, и что сам он тоже не в зале, а на улице перед зданием суда. Тогда я спросил, где именно он стоит. Он сказал, где именно, я положил трубку и подошел к нему. Спрашиваю: почему, мол, не в зале? Он отвечает: «А меня вообще здесь нет, я в больнице лежу, у меня справка».

– Зачем же тогда пришли? – спрашиваю.

– Ну как зачем? Интересно же. Вот сейчас дадут им по пять лет, как я просил, тогда и домой пойду.

Я хотел спросить, почему он так уверен в том, что дадут по пять лет, но гособвинитель, видимо, был настроен на пространную беседу и сам заговорил:

– Конечно, если бы в их действиях был состав преступления, было бы проще работать. А так неприятно немножко. Хотя, конечно, большевики, а я их ненавижу. Они же когда придут к власти, меня первого шлепнут, а всю семью за Полярный круг. Так что ни о чем не жалею.

Мы стояли в стороне от остальной толпы. У подъезда суда нацболы о чем-то спорили, журналисты скучали, лениво переговариваясь, оператор НТВ куда-то тянул какой-то длинный провод. Я стоял с гособвинителем совсем один и

жалел, во-первых, что у меня с собой нет диктофона, и во-вторых – что никто из этих людей, которые там, у подъезда, не слышит слов гособвинителя, только что признавшегося в том, что в успешно выигранном им деле не было состава преступления. Я спросил его:

– Тогда зачем вы, если они не совершали преступления, требуете для них пяти лет колонии?

Он, кажется, обиделся на такой вопрос. По крайней мере, неожиданно перешел со мной на «ты».

– Ну посмотри, – сказал гособвинитель. – Я зампрокурора района. Это все случилось в моем районе. Если я не пойду их обвинять, придется идти кому-то из моих подчиненных. Получится, что я этого человека подставлю, и остальные подчиненные перестанут меня уважать. – Подумал и добавил: – Я, конечно, мог сразу сказать: «Не хочу идти против правды, не буду обвинителем по этому делу». Как сам думаешь, сколько минут после этого я проработал бы в прокуратуре? Да уволили бы задним числом, и это не самое страшное, я-то себе работу найду. Опять же подчиненные пострадают, вот что главное. Кого-то уволят со мной, кого-то понизят в должности, кого-то премии лишат. На это я пойти не могу. Ты не представляешь, что это такое – нести ответственность за подчиненных. Уж лучше самому.

Я спросил, кто именно на него так давит – и, честное слово, если бы гособвинитель ответил мне: «Путин на меня давит, Владимир Владимирович Путин», – я бы не удивился. Но он ответил по-другому:

– Где я работаю? Я в прокуратуре работаю. А кто у меня самый главный начальник? Устинов Владимир Васильевич. А уж кто ему идеи подбрасывает, ты сам думай.

Потом он снова заговорил о том, как они его ненавидят. Рассказал, как каждый год седьмого ноября ходит на демонстрации, и почему-то все сразу обращают на него внимание (он сказал: «Видят, что я из охранки»). Потом вдруг заговорил на тему «Если бы адвокатом был я». Мечтательно так заговорил:

– Мой бы подзащитный сказал: ваша честь, я закончил ПТУ, в политике не разбираюсь. Мне бы на дискотеку сходить и девчонку за задницу ущипнуть. Я и в большевики пошел, потому что у них в партии девчонки с ногами и сиськами. А мне Лимон говорит – иди в Минздрав. Ну я и пошел. Все, его бы тут же оправдали. А они героев из себя строят. Идиоты.

Когда мы с ним прощались – за руку и с искренним обоюдным «приятно было познакомиться», – он передал привет своему сокурснику «Гере Иванову»; я не сразу понял, о ком речь, – потом догадался, что он говорит о нашем редакционном юристе Георгии. Чертовски интересно получается: учились вместе, но сейчас «Гера» судится с «Альфа-банком» – то есть судится за правду, но не потому, что он по жизни за нее, а потому что работа такая. А Циркач с правдой борется в суде – и ровно по той же причине: такая работа. Я стоял и думал об этом парадоксе. А тем временем из суда вышли родители нацболов – и остальное вы видели по телевизору.

Вы видели и думаете, что Циркач псих, моральный урод и Бог знает кто еще.

Я видел – и думаю, что Циркач не меньшая жертва, чем несчастный Сергей Ежов и героический Максим Громов.

Есть ведущая программы «Время», которая, по легенде, после каждого эфира выпивает стакан водки. Есть вот этот

Циркач. Есть менты, которые ненавидят гэбэшников. Есть чиновники, которые боятся администрации президента. Я ошибаюсь или это действительно так – именно в путинские годы такие люди стали, как было принято писать в школьных сочинениях, *типичными представителями* нашего общества?

22 декабря 2004

разговор со страной

как полагаете, проведет ли в этом году Путин прямую линию для телезрителей государственных телеканалов под девизом «Разговор со страной»? Уж полдекабря прошло, а линии все нет. Я не смотрю телевизор, но все равно неприятно, если прямая линия не состоится – например, скажут, что такой эфир уже был для украинских телезрителей и повторяться не надо. Хочется ошибиться, но есть подозрение, что так оно и будет: если говорить о том, что отличало нашу власть в уходящем году, прежде всего на ум придет болезненное желание рушить традиции, не важно какие – советские или только-только укрепившиеся ельцинские. Праздники отменяют, льготы отменяют, Чебурашку ни с того ни с сего делают олимпийским символом, День Победы начинают отмечать 8 мая и так далее. На этом фоне отмена традиционной (она стала бы четвертой) виртуальной встречи с народом смотрелась бы очень логично.

Традиции – это всегда хорошо. Помните, как в «Калине красной» «бом-бом» в «Вечернем звоне» пели исключительно те, кто готовится к освобождению: «Это наша традиция, и мы ее храним»? За годы путинского президентства у нас появилось мало традиций; прямая линия с народом – одна из

немногих прижившихся. Каждый год в декабре на улицах крупных городов вешают большие плазменные экраны, около полудня на них появляется президент на фоне бело-сине-красных пятен (тоже традиция) вместе с телеведущими Екатериной Андреевой и Сергеем Брилевым, еще один корреспондент сидит в специальном колл-центре и принимает звонки от телезрителей, миллионы звонков. Как нагляднее продемонстрировать единство власти и народа? Только миллионами звонков и телеграмм (телеграммы, кажется, тоже были, и еще электронные письма, сотни тысяч писем). Хронометраж прямой линии – два, что ли, часа, и вот – сложно объяснить словами – на эти два часа зритель погружается в абсолютную уверенность, что весь мир вращается вокруг бело-сине-красной студии с президентом и ведущими двух главных телепередач.

Прекрасно помню первую прямую линию с Путиным. Это был первый день моих военных сборов – я проходил их на сторожевом корабле Балтфлота «Дружный» (корабль сейчас стоит на приколе в Москве, на Химкинском водохранилище). Убедившись, что на корабле мы никому не нужны, мы с сокурсниками пошли пить водку, которую наливала из-под прилавка продавщица матросской чайной Военной гавани города Балтийска. В прошлом году ту чайную, кстати, перестроили, на открытие обновленного здания стекляшки приезжал сам главком Куроедов, который сказал, что с этой чайной начнется возрождение российского флота.

И вот сидим мы в чайной, пьем водку, а там телевизор включен, и по телевизору президент выступает. И говорит, допустим: *«Понятно, Антонина Емельяновна. Спасибо за ваш вопрос. Мне странно несколько его слышать, потому*

что уже средняя пенсия по стране превысила те показатели, которые мы ставили в качестве цели перед собой в начале года. Вообще должен сказать (это хорошо известно), что пенсионерам за последние два года государство уделяет необходимое внимание, во всяком случае то, которое оно в состоянии уделить». Или: «Вы знаете, я уже много раз говорил и считаю важным повторить еще раз, что наука, образование для нас, безусловно, важнее даже, чем энергоносители, чем нефть и газ, потому что это именно то, что отличает нас от тех стран, которые мы совсем еще недавно называли развивающимися. И, разумеется, государство должно уделять необходимое внимание науке». Или даже: «А что будет на столе – это лучше спросить мою жену. Не знаю. Но чудо праздничное будет, наверное». (На это Екатерина Андреева отреагировала острым вопросом: «Голодным жена вас не оставит?» Путин ответил странно: «Голодным не оставит. Бокал шампанского наверняка поднимем».) Еще мне очень понравилось, что один из больших экранов был установлен в моем родном Калининграде, и из двух вопросов, заданных президенту людьми с улицы, один был задан студентом моего вуза.

Прошел год, и снова на площадях расставили экраны, и на экранах снова были Екатерина Андреева и Сергей Брилев, и, как отметил Сергей, *«в отличие от “Прямой линии” прошлого года у нас есть известные нововведения: если в прошлом году мы в основном выходили на связь с крупными городами нашей страны, то сегодня на связи – шесть региональных центров, а также два села и два малых города». А президент снова принимал звонки и говорил: «Спа-*

сибо вам за этот вопрос. Он тоже относится к разряду традиционных, и понятно почему. Потому что проблема наболела. И вы совершенно правы в том, что реальных сдвигов не видно. Действительно, мы очень много и часто говорим о необходимости проведения реформы в сфере жилищно-коммунального хозяйства, а сдвигов пока нет, и реформа вроде бы не идет. И это тоже правда, и я скажу почему». Или: «Нет, я не левша. Я люблю, чтобы они у меня болтались на запястье. А вот эта заводная головка, если на левой руке, то она как раз повернута в сторону кисти, и все время натирает... Больно... Вот и весь секрет, ничего здесь особенного нет».

Я к тому времени уже работал в местной газете, стоял по колено в мокром снегу на главной площади Калининграда в толпе земляков, которые пришли к большому экрану, чтобы пообщаться с президентом. Руководил всем собкор Первого канала Олег Грознецкий. И когда через полтора часа после начала эфира очередь дошла до Калининграда, вопрос президенту снова почему-то задал студент моего вуза. И еще какая-то девушка. И я побежал к той девушке и спросил ее, как ей удалось прорваться к микрофону Олега Грознецкого. Девушка, подтверждая справедливость шуток о блондинках, честно сказала, что ничего сложного не было: ее попросил прийти сюда и задать вопрос Путину ее приятель Олег Грознецкий. И она пришла и спросила.

Я написал об этом в газете, потом редактору газеты звонил Олег Грознецкий и обещал набить мне морду. А мне звонил тот студент и благодарил, что я не написал о нем, потому что его просил прийти и задать вопрос не Грознецкий, а ректор моего вуза.

И вот – вслед за старой Госдумой и старыми (в смысле – всенародно избираемыми) губернаторами, вслед за Седьмым ноябром и Днем конституции, вслед за бесплатным проездом для чернобыльцев и телепередачей «Намедни» в прошлое уходит еще одна, эксклюзивная путинская традиция: прямые линии с нелепыми подставными людьми из народа, показушными вопросами о щенках лабрадора Кони и фирменных блюдах Людмилы Путиной, Екатериной Андреевой и Сергеем Брилевым и прочими хоть и малосимпатичными, но родными приметам российского декабря. Надеюсь, прямая линия в этом году все-таки будет. Но почему-то не верю.

15 декабря 2004

чужие кабинеты

На прошлой неделе ездил в командировку в Калининград. Калининград – это мой родной город, но я об этом принимавшей стороне не сказал и даже поехал на экскурсию по городу, в котором и без того знаю каждый двор. И когда экскурсовод, показывая на здание областного управления ФСБ, сказал, что в этом здании до 1945 года располагалась местная контора гестапо, я вместе с остальными московскими и питерскими журналистами хихикал – забавно, мол: сколько лет прошло, сколько вывесок поменялось, а функция у здания осталась прежней. Эта история, которую я услышал впервые лет двадцать назад, мне действительно безумно нравится – в Калининграде есть еще одна похожая легенда, легенда о гостинице «Москва»: вот уже которое поколение горожан рассказывает приезжим о том, что в этом здании до войны находился отель под названием «Берлин». Это именно легенда, в смысле неправда: на фасаде здания действительно еще можно разглядеть медведя – герб Берлина, но там же висят и гербы других немецких городов, потому что никакого отеля «Берлин» там никогда не было, а был офис страховой компании, имевшей отделения во всех немецких землях, что-то вроде нашего дореволюционного

страхового общества «Россия», занимавшего известное здание на Лубянской площади в Москве, и если бы советские чекисты в Кенигсберге сорок пятого года обладали более нетривиальным чувством юмора, им, думаю, стоило бы поселиться именно в этой страховой конторе, а гостиницу, наоборот, сделать в здании гестапо.

Но это уже, конечно, фантазии. Управления госбезопасности в бывших зданиях гестапо были и в Вильнюсе, и в Риге, и вообще много где в Прибалтике. Сейчас в этих домах располагаются музеи оккупации – такие шизофренические учреждения, призванные доказать, что Сталин был гораздо бóльшим злодеем, чем Гитлер. У нас в России с этим все гораздо проще: местные управления ФСБ повсеместно размещаются в тех же зданиях, где пятнадцать лет назад работали управления КГБ, ранее – НКВД, ГПУ, ВЧК. В Перми прошлой осенью даже мемориальную доску открыли – мол, в этом здании раньше было управление НКВД по Пермской области, вечная слава героям. Портреты Дзержинского висят те же самые, интерьеры неизменные (разве что линолеум дешевенький где-нибудь постелен с пятилетку назад).

И областные и краевые администрации везде, от Владивостока до того же Калининграда, находятся в бывших обкомовских дворцах. В вестибюлях, где когда-то на стенах висели, как правило, тексты указов о награждении областей орденами, теперь пластиковый мрамор, на нем – панно с двуглавым орлом, вместо доски почета – стенд с фотолетописью губернатора, не важно какого – будь то демократичный Тулеев, прибалтненый Дарькин или эксцентричный Аяцков.

О том, что администрация президента заселила опустевшие корпуса ЦК КПСС на Старой и Новой площадях, даже и напоминать не нужно – и так все знают. Владислав Юрьевич Сурков, при всей неоднозначности к нему отношения, – человек, бесспорно, современный, даже для «Агаты Кристи» песни пишет; но и его рабочий кабинет – не более чем переживший косметический ремонт чужой кабинет, бывшая обитель какого-нибудь Соломенцева или, ладно уж, Сулова – живого мертвеца, ездившего, как вспоминают, по Москве на своем ЗИЛе со скоростью не выше пяти километров в час и никогда не снимавшего калош.

Александра Федоровича Керенского называли Александрой Федоровной – из-за слухов о кровати последней императрицы (говорили, что временный премьер спал именно на этой кровати). Наша власть с самого 1991 года – такой же Керенский, такая же Александра Федоровна в штанах, улегшаяся своим щуплым тельцем на бескрайние кровати партии-императрицы. Мне кажется, то была самая главная ошибка Ельцина, которого хоть и называют сейчас пафосно *«основателем России»* – но только потому, что Путин еще более убог. Ельцин стал бы настоящим основателем новой России, если бы остался в Белом доме, а площадь перед этим вполне симпатичным зданием осталась площадью Свободной России (троллейбусная остановка в Большом Девятинском, кстати, по-прежнему так называется – что выглядит очень грустно и нелепо на фоне чугунного забора, окружившего бывшую площадь). Но провинциальный номенклатурщик не смог отделаться от мечты о кабинете в Кремле, том самом Кремле, где работали страшный Сталин и смешной Брежнев, – а если президент решил разместиться в Кремле,

то губернаторам (деятелям райкомовского уровня, мечтавшим о кабинете в обкоме) ничего не оставалось, как заселять обкомовские здания – вместо того чтобы строить новые офисы. Жилищный вопрос испортил новую власть – он изначально обрек ее на несамостоятельность, превратив в бледную тень власти прежней. Смена поколений власти, случившаяся с уходом Ельцина, – грубо говоря, замена наздратенок на дарькиных – этот процесс усугубила, это как если бы после ухода Керенского кровать Александры Федоровны занял кто-нибудь еще более щедушный и убогий.

Боюсь показаться наивным, но я уверен: совок остался с нами по сей день именно из-за стен, которые второе десятилетие давят на наших вождей и начальников. Сидя в кабинете под пустым гвоздем, с которого сняли портрет Ленина, трудно не быть временщиком. Префектура, занимающая бывшее здание райкома, не способна ни на что, кроме спуска в нижестоящие инстанции разнарядок на очередной идиотский митинг, пародирующий первомайские демонстрации, а в кабинете Сулова любая партия может превратиться только в КПСС и ни во что больше. И в этом смысле даже малоприятный Ющенко заслуживает похвал – то ли первым, то ли вторым его решением после прихода к власти стал отказ занимать главный корпус бывшей президентской администрации на Банковой улице, пускай и под дурацким предлогом. Оранжевый революционер (или кто там ему дает советы и указания) совершенно правильно понял: лучший способ не стать преемником Кучмы и Щербицкого – это не занимать их кабинеты.

Сейчас в России трудно быть оптимистом. Но если так случится, что нынешняя власть куда-нибудь денется и на

смену ей придет какая-нибудь другая, новая власть – позволю себе дать ей, этой власти, бесплатный совет. Сделайте в Кремле музей или еще что-нибудь общественно полезное. И на Старой площади тоже. А сами поселитесь в другом месте – в Москве много хороших мест.

16 февраля 2005

писательницу Донцову, как сообщается, на днях наградили орденом Петра Великого 1-й степени – за выдающийся вклад в литературу, естественно. Это по крайней мере второй случай возмутительного награждения непонятно кого высокими наградами: месяца два назад певице Валерии тоже дали орден святой, что ли, Ольги – и тоже за выдающийся вклад.

Возмущаться, впрочем, не обязательно: ни ордена Петра Великого, ни ордена святой Ольги в России не существует, эти награды – не более чем побрякушки, раздаваемые кому ни попадя сомнительными общественными организациями. Согласно законодательству, учреждать ордена и награждать ими кого бы то ни было может только государство, и при желании любого орденодателя можно привлечь к уголовной ответственности, к которой привлекают, допустим, фальшивомонетчиков. Но если это случится, и какого-нибудь прохиндея, штампующего ненастоящие ордена, посадят в тюрьму, я, пожалуй, возвышу свой голос в его защиту.

Потому что ответственность за то, что сегодня (а если быть точным – с мая 1992 года, когда появился первый в черед самopalных орденов орден Орла, который выдали артисту Никулину, экономисту Буничу, офтальмологу Федорову и еще нескольким столпам ельцинской России, а в газете

«Московский комсомолец» появилось первое объявление «*Покупаю ордена Ленина на вес*») вместо нормальной системы государственных наград у нас существует их диковатый рынок, бесспорно, лежит на государстве.

Советская система, строго говоря, тоже была не идеальна – потому что системы, по крайней мере первоначально, не было. Время от времени советская власть придумывала очередной орден: вначале, в гражданскую, Красного Знамени, чуть позже – Трудового Красного Знамени, потом – Ленина и Красной Звезды, еще через несколько лет – «Знак почета», потом, при Брежневе, – «Дружбу народов», «Октябрьскую революцию» и трехстепенные пафосные «Трудовую славу» и «За службу Родине в вооруженных силах». И, наконец, при Горбачеве – «За личное мужество». Плюс стоявшие в иерархии выше орденов звезды Героев Советского Союза и социалистического труда.

Награды, учрежденные в годы войны, стоят особняком; это действительно была система, грамотно построенная и стилистически выдержанная. Статуты этих орденов – потрясающая по силе литература. *«Кто лично уничтожил 2 тяжелых или средних, или 3 легких танка (бронемашин) противника, или в составе орудийного расчета – 3 тяжелых или средних, или 5 легких танков (бронемашин) противника; кто подавил огнем артиллерии не менее 5 батарей противника; кто уничтожил огнем артиллерии не менее 3 самолетов противника»* – эти строчки (а их в тех статутах, конечно, гораздо больше), читаются как хорошее стихотворение. Показательно, что эту систему не посмел разрушить даже Ельцин, ограничившийся тем, что убрал с орденов Суворова и Александра Невского серпы и молоты. Правда, награждать этими ордена-

ми за Чечню ни Ельцин, ни Путин не решились, и сегодня систему военных орденов (к ней добавили орден святого Георгия, которым с момента его воссоздания так никого и не наградили) можно считать законсервированной или даже мертвой – что, может быть, и к лучшему; не хотелось бы видеть орден, скажем, Кутузова на парадном мундире господина Патрушева.

Судьба остальных советских орденов сложилась по-другому. К закату советской истории некое подобие системы все-таки устроилось; орденами Ленина, Октябрьской революции и Трудового Красного Знамени награждали города и заводы, газеты и вузы, «Знак почета» выдавали чиновникам и представителям творческой интеллигенции, не дотянувшим к очередному юбилею до ордена Трудового Красного Знамени, и так далее. Указы о награждениях печатались на первых полосах газет, и за редкими исключениями вроде хрестоматийного хрущевского казуса с Героем Советского Союза Гамалем Абделем Насером общество понимало, кого и за что награждают.

У Ельцина был шанс построить свою орденскую систему, устранив советские недостатки и учредив новые ордена, сакральный смысл которых был бы понятен всем: имидж борцов **за Россию и свободу до конца** у демократов по крайней мере в первые месяцы после августа 91-го был, и, если пофантазировать, какой-нибудь орден Сахарова был бы с пониманием встречен страной. Его можно было дать и погибшим в тоннеле на Садовом кольце троиим парням, защищавшим Белый дом (которых в итоге посмертно наградили абсурдными в той ситуации звездами Героев Советского Союза), и семерым диссидентам 1968 года с Красной площади, и прочим борцам с советским режимом типа Буковского, и даже Солженицыну – он бы наверняка не взял, но было бы понятно, почему не берет, и этот

отказ тоже легитимизировал бы новые награды новой России.

Вместо этого новая Россия решила на невнятную медальку с Георгием Победоносцем, а ордена сохранила советские – причем не все, а только (не считая законсервированных боевых) два – «Дружбу народов» и «За личное мужество» (этот горбачевский орден нелеп не только названием – мужество и без орденов только личное качество, – но и видом, это овальная бляха, на которой так и написано: «За личное мужество»). Последний давали всем силовикам – от милиционеров, проявивших героизм в своей милиционерской деятельности, до танкистов, стрелявших по Белому дому, а «Дружбу народов» вешали на всех остальных: и на демократических чиновников, и на их идеологическую службу типа Марка Захарова, активно агитировавшего за Ельцина перед референдумом «Да – да – нет – да». Именно тогда, в 91-93-м годах, когда новые ордена еще могли обрести признание общества, новых орденов придумано не было. Их учредили только в 94-м. Учредили просто так, без опоры на какой бы то ни было национальный миф и без какого бы то ни было общественного обсуждения. Воля не менее невзрачных и бездарных (хотя и другой невзрачностью, чем путинские) ельцинских чиновников породила безликий четырехстепенной орден «За заслуги перед Отечеством», восьмиконечный крест ордена Почета, заменивший советский «Знак почета», орден Дружбы вместо «Дружбы народов», орден Мужества вместо ордена «За личное мужество», «За военные заслуги» вместо «За службу родине в ВС». Потом появились столь же невнятные ордена Андрея Первозванного и Жукова (человек в советском мундире в центре креста – это, конечно, мощно). В статуте ордена Жукова, кстати, написано, что им награждаются командующие фронтами Великой Оте-

чественной войны – при том, что к моменту учреждения этого ордена все командующие уже давно умерли.

Но это еще не все. Даже дурацкими и невнятными орденами можно награждать достойных людей – и тогда авторитет награжденных распространится на сами награды. Но официозные репортажи государственных телеканалов об очередном награждении, регулярно демонстрируемые телевидением на протяжении последних десяти лет, разрушают и эту надежду: ордена (кроме ордена Мужества) выдают в основном засаленной колоде деятелей позднесоветского искусства. Тот же Марк Захаров, первый ельцинский кавалер ордена Дружбы народов, награжден, кажется, всеми новыми российскими орденами. Геннадий Хазанов многократный орденосец, Олег Табаков, Галина Волчек; кажется, орден «За заслуги перед Отечеством» и придуман для того, чтобы награждать им этих людей и только их, страна же остается без орденов. Редкие случаи вручения главного ордена страны (всегда четвертой степени) какому-нибудь Макаревичу или БГ становятся грустным поводом для шуток; символом подлинного признания заслуг перед страной ельцинско-путинские ордена так и не стали. А самым ярким случаем награждения за выдающиеся заслуги, наверное, навсегда останется звезда Героя для Рамзана Кадырова.

В нашей стране нужно менять многое. В замене нуждается, может быть, все – от текста конституции до кадрового состава районных управ. Очень хочется, чтобы, когда кто-нибудь всерьез займется этими переменами, он не забыл и об орденах. России по-прежнему нужны новые ордена. А то и через десять лет непонятно кто будет награждать Дарью Донцову и ей подобных непонятно чем.

22 июня 2005

Жизнь революции

революция окончена

На прошлой неделе мне позвонил Василий Якеменко – тот самый. Позвонил вот по какому делу (если, конечно, Василию можно верить): он прочитал мою позапрошлую колонку, она ему понравилась (он даже уточнил: здесь, мол, нет ошибки? это ты написал?), и он предлагает мне помочь движению «Наши» в написании программы этого движения, точнее – полностью написать программу для «Наших».

Сказать, что я удивился, – значит ничего не сказать. Наша единственная встреча с Василием состоялась около месяца назад в подмосковном санатории «Сенеж», об этой встрече много писали в газетах, пересказывать нет смысла; плюс еще совсем недавно, когда я пришел на пикет «Идущих вместе» к Большому театру, чтобы написать об этом пикете репортаж, «Идущие» меня с пикета весьма невежливо прогнали. В общем, от Василия Якеменко я мог ожидать чего угодно, только не предложения написать программу для его «антифашистского фронта».

Пока я соображал, что ответить Василию, он сказал, что нам нужно встретиться, назначил встречу, попрощался и повесил трубку, оставив меня наедине с мыслями о том, как мне быть с отведенной мне ролью в русской контрреволюции.

«Что тут думать? – спросит меня революционно настроенный читатель. – Нужно было послать этого Якеменко куда подальше, и дело с концом». Это, конечно, правильно – человека, придумавшего и возглавившего «Идущих вместе», только посылать и надо. Я, однако, не могу назвать себя революционно настроенным читателем (в смысле – не читатель, а писатель) и, в частности, не имею права посылать своих ньюсмейкеров – но в то же время не хочу иметь никаких деловых контактов с Василием Якеменко, уж больно одиозный персонаж. Так что не нужно удивляться тому, что я очень крепко задумался над тем, как бы поизящнее отбиться от поступившего предложения.

И придумал. Когда Василий позвонил мне на следующий день, чтобы уточнить, приду ли я в назначенный час в назначенное место, я ответил, что не приду, поскольку такие серьезные вопросы, как программа формально антифашистского, а на самом деле – сугубо контрреволюционного движения, я готов обсуждать не с исполнителем Василием, а с лицом, принимающим решения, – таковым я считаю заместителя руководителя администрации президента Владислава Юрьевича Суркова.

Теперь уже Василию пришла очередь удивляться. Если верна популярная догадка насчет того, что самые яркие наши охранители – вроде Бориса Грызлова или того же Василия – являются биороботами-андроидами, то мне страшно представить, что случилось с микропроцессорами, управлявшими этим человеком. Он молчал с минуту, потом не своим голосом произнес «Я перезвоню» – и замолчал, боюсь что навсегда (по крайней мере, когда вчера я писал заметку об опере «Дети Розенталя», мобильный телефон Василия на

мои звонки не реагировал – после длинных гудков автоответчик говорил мне, что абонент не отвечает или временно недоступен).

«Вот молодец, обманул Якеменко!» – скажет мне революционно настроенный читатель. И снова окажется не прав, потому что я действительно чертовски хочу встретиться с Сурковым и сказать ему примерно вот что.

Дело в том, что в последние недели – после залповой («Эхо Москвы», «Власть», «Новая газета») серии интервью человека по фамилии Невзлин, то ли политэмигранта, то ли просто скрывающегося от Генпрокуратуры, обвиняющей его в организации убийств, – революционная ситуация в России вступила в какую-то новую фазу. Эпоха самодеятельности закончилась, борьбу за правду и справедливость берут в свои надежные волосатые руки серьезные люди – этот мессидж прозвучал вполне отчетливо. А я, так уж получилось, в той мере, в какой это позволительно для журналиста, имею к упомянутой эпохе самодеятельности самое непосредственное отношение. Мне выпало быть летописцем всех без исключения национал-большевистских захватов присутственных зданий за последние полтора года, у меня в кабинете на стене висит половинка портрета Владимира Владимировича Путина, выброшенного моим добрым товарищем Максимом Громовым из кабинета Зурабова 2 августа прошлого года. В июле прошлого года я отдыхал в Калининградской области, и когда я гулял по берегу моря, мне позвонил другой мой товарищ Илья Яшин, сказал, что завтра он со своими яблочниками будет забрасывать шариками с краской здание ФСБ, – и я немедленно полетел в Москву, чтобы увидеть это собственными глазами. Короче говоря,

это немного личная история – но я знаю, что Максим Громов сел в тюрьму, а Илья Яшин лег на лубянский асфальт (и, конечно, окунулся в сенежский сугроб) вовсе не для того, чтобы на смену малоприятным, а то и омерзительным путинским чекистам снова пришли серьезные люди со зловещими прозвищами вроде «Доктор Ректор». Да и я сам не так чтобы очень хочу их возвращения.

А они вернуться. По крайней мере, сейчас их продвижение по направлению к Москве ничем не уступает по легкости движению колонн автобусов с узкоглазыми башибузуками из Оша в Бишкек. Власть не в состоянии ответить на их наступление ничем, кроме тех же «Наших» и идиотской виртуальщины государственных телеканалов. Нацболы уже месяца три озабочены исключительно вызволением полусотни своих политзеков из тюрем. Отчаянная попытка Яшина, отказавшись от невзлинских денег, построить самостоятельное протестное движение – которое и против тех, и против этих, – разбивается вдребезги о совково-яблочное воспитание самого Яшина, не позволяющее ему уйти дальше скучных оргсобраний с обязательным протоколом, который, кажется, пишется каким-то антикварным чернильным пером вроде тех, что в детстве я видел на почте, и немедленно отправляется в партийный архив «Три слепых» на Большой Дмитровке. Иными словами, никакой третьей силы нет и быть не может – есть только пресловутая полит-эмиграция с одной стороны и не менее пресловутая власть с другой.

Надо определяться. И я, кажется, определился: русское революционное движение начала двадцать первого века создавалось на моих глазах, а то и при моем участии, но

сейчас это ничего не значит – как говорится, *«мы знаем, что ныне лежит на весах и что совершается ныне»*. Революция окончена. Страна дороже.

23 марта 2005

виртуалы против виртуалов

В детстве приятно делать открытия. Помню, как меня в семь лет поразил найденный где-то календарь восемьдесят первого года: оказалось, его можно было использовать и в восемьдесят седьмом, все даты и дни недели совпадали – понедельник одного года был понедельником другого, вторник – вторником и так далее.

От открытия захватило дух. Долго еще, если мне попадались старые календари, я сравнивал их и радовался (непонятно, правда, чему), если годы оказывались «одинаковыми».

Третье октября в этом году – воскресенье, как и одиннадцать лет назад. Не хочется проводить параллелей, тем более что их нет. Защитник Белого дома образца девяносто третьего года, советский неудачник, не сумевший найти себя в постсоветском мире, оказался не более чем промежуточной ступенью между защитником того же дома в девяносто первом (тот же советский неудачник, но еще верящий в то, что во всем виноваты коммунисты) и ныне дежурящим там же офицером Федеральной службы охраны (баррикада, в свою очередь, трансформировалась в кованный забор).

С ними, дорогими моему сердцу офицерами ФСО, в последний раз в неформальной обстановке я встречался совсем недавно – в воскресенье на Красной площади. Об этом (не о нашей встрече, а о сопутствовавших ей обстоятельствах) сообщали, хоть и бестолково (потому что со слов пресс-службы ГУВД), практически все газеты и информагентства. И это понятно – колонна с транспарантом «Путина в отставку» не каждый день ходит по Красной площади, если быть точным – не ходит никогда. А в этот раз пошла, прорвалась к Мавзолею, потом помитинговала на Лобном месте и разбежалась практически без потерь на Васильевском спуске.

Строго говоря, это действительно было правонарушением. С тем, что на Красной площади нельзя митинговать, еще можно спорить, но демонстранты-антипутинцы вдобавок перелезли через ограждение у Мавзолея, а ограждение явно не для того поставлено, чтобы через него кто-то перелезал. Я не иронизирую – действительно, если эти, слава Богу, мирные демонстранты спокойно проникли на режимную охраняемую территорию, кто помешает в следующий раз пролезть туда очередной Зареме Мужахоевой? Куда смотрит милиция?

Впрочем, милиция, надо отдать ей должное, смотрела в нужную сторону – другое дело, что непонятно, почему режимная зона у кремлевской стены охраняется только одним милиционером, который, увидев демонстрацию, заперся в Мавзолее. Самое интересное было дальше.

Оказывается (детские открытия продолжаются), на Красной площади в толпе туристов постоянно находится достаточное количество упомянутых выше офицеров ФСО. Они, незаметные с первого взгляда, дали о себе знать практиче-

ки немедленно после того, как милиционер спрятался в Мавзоле. Но объектом интереса этих людей стали не демонстранты.

Пока милиционер из Мавзолея ждал подмоги в виде патрульной машины, ФСОшники сосредоточенно отлавливали в толпе (а толпа была большая – на площади находилось несколько десятков экскурсионных групп) людей с фотоаппаратами и видеокамерами. Старушка то ли из Германии, то ли из Штатов (не спросил), которую заставили стереть все сделанные цифровым фотоаппаратом снимки суматохи у Мавзолея, наверняка еще долго будет вспоминать невежливого русского в штатском, выкручивавшего ей руку. Впрочем, нам с вами до эмоций этой старушки нет дела, так же как ей наверняка в свое время не было дела до бомбардировок Белграда или Багдада. Но ФСОшники гонялись не за старушкой и не за демонстрантами. А за журналистами.

Мы действительно тоже были в той толпе туристов-экскурсантов и, благодаря тому что старушек с фотоаппаратами на площади было очень много, сумели (не все, правда) избежать общения с ФСО. И вот в этой логике, наверное, стоит разобраться: им не были интересны митингующие, более того – они им неинтересны, что называется, по жизни, и если бы тот же Удальцов или тем более Лимонов действительно чем-то угрожали существующему строю, эти деятели давно бы сидели в тюрьме за какой-нибудь грамм героина или переход улицы в неполюженном месте. Не сидят – значит безопасны, и это действительно так, потому что пять, пятьдесят, сто человек, выходящих на митинг на режимной территории или даже приковыляющие к чему-нибудь наручниками, а потом нетерпеливо ждущие, пока приедет милиционер с

циркулярной пилой, – они никакой угрозы ни для кого не представляют.

А репортаж о них на телевидении или (хоть и в меньшей степени) в газете власти, судя по всему, угрожает. Не появившись в газетах фотография Сергея Пономарева из *Associated Press*, на которой национал-большевик Громов выбрасывает из окна кабинета министра здравоохранения Зурабова портрет президента Путина, Громов бы оштрафовали за мелкое хулиганство да и отпустили бы, а так – он второй месяц сидит в «Матросской тишине» и ждет суда по уголовной статье. Это без, прости Господи, медийного резонанса можно было бы считать, что Громов просто выбросил портрет (так оно, в общем-то, и есть на самом деле – просто выбросил просто портрет), а с резонансом – это уже, может быть, и не призыв к свержению Путина или хотя бы Зурабова, но тоже нечто неприятное. Увидеть в газете или по телевизору летящий из окна на тротуар путинский лик может тот самый обыкновенный гражданин, который уже почти поверил, что все идет по плану, что «Терек» – чемпион и что у Пуманэ инфаркт, – и вот он, этот обыкновенный человек, увидит, что бывают люди, которые с аксиомами путинской России хоть и бестолково, но спорят. И поймет, что не такие это и аксиомы – с ними можно спорить, понимаете?

Понимать, однако, не положено. Собственно, поэтому так удивительно неадекватна реакция на в общем-то маргинальные выступления недобитых оппозиционеров – делом Минздрава занималась чуть ли не вся Мосгорпрокуратура, а например молодежное «Яблоко», подрисовавшее президенту (снова портрет!) гитлеровские усики, не только привлекли к уголовной ответственности, но и еще неведомым обра-

зом заставили извиниться перед *«лично президентом РФ В.В.Путиным»*. Кто-то считает, что все дело действительно в личных обидах президента, – но это глупости, был бы он действительно обидчивым человеком, не работал бы, скажем, Владимир Анатольевич Яковлев на высоких государственных постах.

Это не обиды. Это страх. Вся эта виртуальщина с «заменной льгот денежными выплатами», «посевной в Чеченской республике» и прочим не для того создавалась, чтобы кто-то ее разрушал. А чтобы ее разрушить, достаточно точно такой же, только с обратным знаком, виртуальщины – какой, собственно, и являются наши репортажи об акциях оппозиционных маргиналов. В экран кинозала глупо стрелять из пистолета – если хочешь сорвать сеанс, освети экран прожектором. Тоже, в общем-то, детское открытие.

29 сентября 2004

свидетель обвинения

2 августа нынешнего года, когда Государственная Дума в обстановке всенародного одобрения (Охотный ряд и прилегающие улицы, плотно заставленные автобусами с ОМОН) принимала пакет законов о замене льгот денежными выплатами, корреспондент газеты и съемочные группы ряда небольших телекомпаний прогуливались по улице Неглинной. Около здания Минздрава что-то происходило: группа молодых людей забежала в парадный подъезд министерства, через несколько минут окна на втором и третьем этажах распахнулись, и мы – я, фотограф и операторы съемочных групп – увидели в окнах молодых людей. Молодежь размахивала красными флагами с серпом и молотом в белом круге, кричала, что «за наших стариков уши отрежет» (в смысле – отмена льгот, по мнению этих людей, негативно скажется на судьбе российских пенсионеров), а один из молодых людей – я узнал в нем героя нескольких своих заметок Максима Громова, веселого парня из Чебоксар, активиста Национал-большевистской партии – прокричал неприличный лозунг «Поцелуйте вашего президента в жопу!» и выбросил на тротуар какой-то портрет в застек-

ленной рамке. Стекло, ударившись об асфальт, разлетелось на кусочки, а кто-то из прохожих, вытащив лист глянцевой бумаги из-под осколков, с криком «Россия без Путина!» разорвал лист на четыре части. Я поднял четвертинку портрета. Увидел на ней левую половину подбородка президента России. Положил в карман. Сейчас этот кусок бумаги висит на стене над моим рабочим столом. Зачем – сам не знаю.

На Неглинной тем временем столпились зеваки. Кто-то вызвал милицию. Милиция приехала и стала кричать, чтобы люди, торчащие из окон, вышли на улицу. Люди в окнах отказались. Потом приехал ОМОН. Десятка три бойцов мрачно прошли в здание, минут десять из окон раздавались крики, перебиваемые грохотом, еще через какое-то время омовцы вывели молодых людей на улицу, посадили их в автобус и увезли куда-то.

Мы с фотографом поехали в редакцию, я написал заметку, и назавтра она вышла в газете, как и полагается, за моей подписью.

Прошло три месяца. Хмурым ноябрьским утром я обнаружил в дверном косяке снимаемой мною квартиры (почтового ящика у меня нет) извещение о заказном письме. На почте по этой бумаге мне выдали повестку с просьбой явиться в Тверской районный суд в качестве свидетеля по делу о хулиганстве, совершенном организованной группой. В случае неявки меня обещали доставить в суд принудительно. Потом на мобильный (откуда он узнал номер?) позвонил гособвинитель (я его потом так и записал в память телефона: «Гособвинитель») и еще раз попросил прийти. В общем, не явиться было нельзя, и я явился.

Свидетелей кроме меня было много. Был омовец, который выводил молодых людей из здания Минздрава в автобус. Был еще один омовец. И еще один. И еще. Еще был такой мужичок – кажется, сторож с автостоянки на Неглинной, которого 2 августа попросили быть понятым при задержании хулиганов, а потом сделали свидетелем обвинения. Он был очень не рад своей свидетельской роли, потому что пока он здесь в суде выступает, его напарник за него сторожит автостоянку. А потом ему за напарника сторожить придется, а он не хочет. Еще был техник из арбитражного суда, который 2 августа ходил в Минздрав «на переговоры по производству инсулина» (какие переговоры? какой инсулин?), увидел что-то страшное, испугался и убежал. А завтра прочитал в газете «Коммерсантъ» (то есть в моей заметке), что это была политическая акция, и сам пришел в прокуратуру давать показания. И его сделали свидетелем обвинения. Как, впрочем, и меня.

И вот стою я, свидетель обвинения, на специальной трибунке перед судом – тремя тетеньками в черных мантиях. Меня спросили, знаком ли я с подсудимыми. Я обернулся, чтобы посмотреть, кто сидит в клетке. Из клетки мне помахал рукой Максим Громов. Я с ним знаком, поэтому так и сказал – да, знаком.

Тогда меня спросили, кто эти люди, которые сидят в клетке. Я сказал, что это мои ньюсмейкеры, про которых я пишу заметки. Молодые политики, достойные люди. Личной неприязни к ним у меня нет. Потом спросили, что делали эти люди в Минздраве. Я ответил, что они высовывались из окон и кричали, что отрежут уши за стариков.

– А выбрасывали ли они что-нибудь из окон?

– Выбрасывали, да. Портрет в застекленной рамочке. Насколько я умею отличать одних людей от других, это был портрет президента.

– Какого президента?

– Ну, Путина, Владимира Владимировича.

– А больше ничего?

– Больше ничего.

– А вы поняли, против чего они выступали?

– Да, против отмены льгот. Против нее все протестовали, кроме «Единой России» и «Идущих вместе».

– Это была политическая акция или хулиганская?

– Конечно, политическая. Я о хулиганских не пишу.

– А вы обратили внимание, что митинг был несанкционированный?

– Да, но ведь по нынешним законам санкционированный митинг устроить невозможно. Даже против терроризма на Васильевском спуске в сентябре был митинг по заявке, поданной до терактов.

– А вообще что такое НБП?

– Это партия, такая же, как «Единая Россия», только не зарегистрированная в Минюсте и ЦИКе, потому что они к ней предвзято относятся. Нормальная партия, в общем.

– А сами нацболы интеллигентные люди?

– Конечно, интеллигентные. У них же лидер Лимонов, всемирно известный писатель. Да и сами они вон какие интеллигентные. Я бы с каждым из них в разведку пошел.

Тогда судья сказала, что вопросов ко мне больше нет, и предложила мне занять место в зале. Я занял место, но тут заседание закончилось и всем сказали разойтись.

Вот сижу теперь на своем рабочем месте, пишу эту колонку и не понимаю, зачем меня вызывали в суд, зачем спрашивали, считаю ли я подсудимых интеллигентными людьми, а НБП – партией, зачем вообще восьмерых пацанов, вышедших протестовать против, чего уж там, спорного законопроекта, судят по уголовной статье, держат в клетке и конвоируют так основательно, будто это не нацболы, а сам Шамиль Басаев к нам пожаловал. Знаете, как это неприятно – прожить всю жизнь уверенным в том, что ты способен понять происходящее в стране, а в самый ответственный момент (а первые в жизни показания в суде – это ответственный момент, правда?) – не понять.

17 ноября 2004

тетка в рыжей шубе

конечно, не стоило раздавать тем бабушкам на Ленинградке свои визитки. Но от меня это не очень-то и зависело: я протянул свою визитку одной, за ней потянулась другая, третья, – в общем, мне нужно заказывать новую пачку визиток. А химкинские бабушки теперь постоянно звонят на мобильный и рассказывают, что там у них происходит.

Происходит следующее. Самая активная бабушка, пенсионерка Заболотная или, как называли ее мы с фотографом, – тетка в рыжей шубе (она действительно молодо выглядит, об этом чуть ниже), – пропала. Она звонила мне вечером в понедельник, сказала, что ее только что отпустили из милиции, куда забрали уже после того, как движение на трассе восстановилось. Мы попрощались, а назавтра мне позвонила ее соседка, которая сказала, что тетка в рыжей шубе домой так и не пришла. Я, если честно, не думаю, что это связано с отменой льгот, – может, заночевала у друзей, может, прости Господи, просто под машину попала, – но соседка, как и все остальные химкинские бабушки, убеждена: тетка в рыжей шубе не пришла домой, потому что ее снова забрали в милицию и сейчас избивают в застенках химкинского райотдела внутренних дел.

И, понимая, что химкинская ментовка – место отвратительное, но пыточных камер для бабушек в ней пока нет, я понимаю, почему соседки тетки в рыжей шубе думают, что она сгнула в этих пыточных. Во-первых, про нее, про тетку ту, по химкинскому телевидению рассказывал сам губернатор Громов. Он сказал, что органам правопорядка удалось найти организатора перекрытия трассы – это (цитирую губернатора по пересказу бабушек-телезрительниц) *«женщина непенсионного возраста, хорошо одетая (рыжая шуба – это, конечно, да. – О.К.), пользуется дорогой косметикой»*. Мне особенно последний аргумент нравится, про косметику; вроде губернатор не самого дикого региона, рыночная экономика и прочие цивилизованные дела на вверенной территории расцветают – но тем не менее «хорошо одета» и «дорогая косметика» для него атрибуты врага.

Во-вторых, я понимаю настроение тех бабушек потому, что местная милиция, которой было поручено очистить от них проезжую часть, со своей задачей справилась в соответствии с самыми потаенными мечтами любого из тех, кому нравится роман Горького «Мать»: грузовики с бойцами, собаки (собаки-то зачем?!) и прочие скрытые и явные цитаты из 1905 и 1993 годов. Говоря о провокаторах (причем говоря несогласованно – одни требуют возбудить уголовные дела против зачинщиков, другие валят все на перегибы на местах), власть – и я не знаю, насколько умышленно (скорее всего неумышленно, потому что власть у нас, чего уж там, глупая) – дала беспроигрышный пас неизвестным организаторам акции протеста в Химках.

Теперь собственно об организаторах. Вчера мне позволили нацболы и спросили, не знаю ли я, как с этими орга-

низаторами связаться (прекрасно нацболов понимаю – они первыми пообещали «за наших стариков уши отрезать», а теперь кто-то успешно пытается их опередить в этом благородном деле). Я не знаю, и, насколько могу судить, не знает никто. Сами бабушки, например, говорят, что их совершенно не волнует, кто вывел их на трассу, – гораздо важнее, что тетка в рыжей шубе (а они ее хорошо знают, она коренная химчанка и вроде действительно хорошая тетка) исчезла неизвестно куда. Были листовки? Да, были. В почтовых ящиках, на стенах, заборах, даже на мусорных баках. На листовках стояла подпись «Союз пенсионеров Подмосковья» – тот самый союз, который поставляет «Идущим вместе» массовку, когда нужны пожилые лица для репортажей Первого канала. Я даже позвонил лидеру «Идущих» Васе Якеменко, и он сказал мне, что *«многие рядовые члены союза пенсионеров симпатизируют патриотической программе «Идущих вместе»*, – по-другому Якеменко, кажется, вообще не умеет разговаривать. Почему бы не предположить, что акцию в Химках «Идущие» и устроили: в самом деле, в победе «оранжевой революции» в России – если такая революция у нас случится – никто особенно не сомневается; с другой стороны, никто не сомневается и в том, что Путин намерен президентствовать долго. Единственный способ соединить эти две несомненные перспективы – представить в роли российского Ющенко самого Владимира Владимировича Путина. А почему бы и нет? Неужели трудно представить, как колонна бабушек – не за деньги, действительно не за деньги, а по убеждению – с портретами Путина, а то и с ним самим во главе, по доброй традиции последних лет выбрасывает в окно, скажем, крес-

ло того же губернатора Громова, – кому этот Громов, в конце концов, нужен?

Словно в подтверждение этой в общем-то абсурдной (а других быть не может) версии в газете «МК», которая, как известно, далеко не «Лимонка» и даже не «Коммерсантъ», вдруг появляется настоящая революционная прокламация. Надо полагать, со дня на день и «Комсомолка» подтянется – куда же без нее. И Екатерина Андреева, показывая нам кадры очередной демонстрации протеста, скажет, что эмоции людей можно понять.

А бабушки из Химок между тем ни о чем таком не думают. У них тетка пропала. В рыжей шубе.

12 января 2005

тревожные известия приходят из городка Бежецк Тверской области. Жители этого самого Бежецка (жителей почему-то никто не называет по именам; единственный источник, на который ссылаются авторы всех сообщений, – некий Кирилл Кабанов, глава Национального антикоррупционного комитета) свидетельствуют о зачистках, проводимых там неизвестными людьми в камуфляже. Этих людей очевидцы сумели идентифицировать как бойцов спецназа Госнаркоконтроля. Ленты информагентств скупы на подробности, но и этих кратких сообщений достаточно для того, чтобы испугаться: *«Врывались в кафе, в места общественного отдыха, мужчин с применением силы раздевали на глазах у женщин и ставили на колени; вроде бы два раза стреляли на улице, непонятно холостыми или боевыми патронами»*. Это «вроде бы» уже завтра, а то и сегодня отвалится от фразы, останется просто – стреляли. Естественно, боевыми. Мужчин били, да. А женщины – неужели их не трогали? Не может быть. Если мужчин били, то женщин, конечно, насиловали. Очевидцы расскажут о двух ведрах использованных презервативов, которые уборщицы вынесли из офиса местного управления Госнаркоконтроля. Потом – через неделю или

две – жители Бежецка приедут в Москву и объявят голодовку. Чего потребуют? Может, отставки мэра, может, чего-нибудь еще. В конце года в очередном докладе какой-либо международной правозащитной организации события в Бежецке (а к тому времени появится емкий и хлесткий штамп, например «кровавая бойня в Бежецке») наряду с событиями в башкирском Благовещенске будут упомянуты в качестве наиболее ярких примеров полицейского произвола в России.

Я далек от мысли о том, что в нашей стране нет полицейского произвола. Он есть. У каждого имеется собственный опыт подобного рода – если самого не били или иным образом обижали милиционеры, то какого-нибудь знакомого – точно. Госнаркочеконтроль, о котором идет речь в бежецкой истории, – это даже не милиция, это самая одиозная силовая структура из существующих ныне. С тех пор как два года назад бойцов упраздненной налоговой полиции бросили на борьбу с наркотиками, наркотиков в стране меньше не стало, а новое ведомство если чем и прославилось, так это издевательскими прозвищами вроде Госкомдурь или Госнаркокартель, слухами о тесном партнерстве сотрудников ведомства с наркомафией и совершенно шизофренической агитпродукцией, которую иначе как в состоянии наркотического транса, конечно, не сочинишь.

Все это так. Но почему-то, читая сообщения из Бежецка, думаю не о произволе или особенностях работы Госнаркочеконтроля, а совсем о другом.

Пару лет назад я забрел на сайт какого-то (я действительно не помню его названия) издательского дома, который издавал популярные газеты чуть ли не во всех регионах России. Газеты назывались по-разному, но, судя по сайту,

имели между собой много общего. Напечатана, допустим, в ярославской газете заметка о том, что в Ярославле на улице Ленина пенсионерка зарубила топором своего внука и съела его ухо, – душераздирающая история. Но если почитать, скажем, тульскую, воронежскую и красноярскую газеты, выяснится, что и в Туле, и в Воронеже, и в Красноярске – правда, на совсем других улицах – тоже живут пенсионерки, которые зарубили своих внуков и что-нибудь у них съели. Ясно, что на самом деле никаких пенсионерок не было – ни в Туле, ни в Ярославле, – но понять это можно было, только прочитав несколько региональных газет (кстати, до сих пор не понимаю, зачем их нужно было выкладывать на один сайт), а этого никто не делал, и люди в разных городах, судя по тиражам газет, верили в этих старушек с топорами и прочие глупости.

Это, строго говоря, вопрос профессионализма или непрофессионализма – можно было нанять вменяемых журналистов, которые находили бы настоящие душераздирающие истории в каждом городе, но вот проще оказалось пользоваться нехитрой технологией copy-paste. Еще недавно эта технология была уделом ленивых газетчиков. Теперь она обрела гораздо более широкие формы.

Сколько в последние годы было бархатных революций, в ходе которых по телевизору обязательно показывали выбрасываемое в окно кресло поверженного диктатора, будь то Милошевич, Шеварднадзе или Абашидзе? Когда картинка повторяется один в один, поверить в случайность совпадений просто невозможно – наоборот, хочется пожать руку неизвестному герою, однажды придумавшему эффектный ход с летящим в окно креслом.

Телевизионная картинка из бункера Масхадова неотличима от картинки с бункером, в котором поймали Саддама, – при том, что в обоих случаях циркулируют слухи о том, что Саддам и Масхадов на самом деле скрывались в совсем других местах.

Так и здесь. Милицейский произвол – это, конечно, ужасно, но в душераздирающих историях о нем привлекают внимание не леденящие душу подробности зверств оборотней в погонах, а то обстоятельство, что истерика по поводу этих зверств начинается не по факту зачистки (как правило, не имеющей никаких материальных свидетельств), а по факту приезда в очередной Благовещенск делегации надоевших до тошноты правозащитников в сопровождении неизменно-го журналистского пула оппозиционных изданий.

Совсем недавно российские пиарщики были по-настоящему круты: создавали фальшивые сайты, подавая пример западным коллегам, писали краской из баллончика на биллбордах опекаемого кандидата гадости про его погибшего в Чечне сына, завоевывая таким образом симпатии избирателей, создавали «Союзы натуралов», – в общем, творили по-настоящему. Не понимаю, куда все это делось. Не понимаю, почему сейчас все эти игры разума сводятся ровно к одному – к тупому сору-paste, клонированию одних и тех же сюжетов для последующей вялой и никому не нужной истерике в маргинальных СМИ.

16 марта 2005

генералы на сугробе

В выходные я посетил Всеармейское офицерское собрание. О том, что на нем были приняты судьбоносные документы – «Военная доктрина России», «Боевой устав народного ополчения» – и был избран Высший офицерский совет, коллеги уже писали. На самом деле все эти решения были настолько судьбоносны, что принимались через несколько часов после собрания на какой-то конспиративной квартире узким кругом руководителей офицерской общественности. Тайные заговоры на конспиративных квартирах – это, конечно, хорошо, но только тогда, когда в заговорах участвует кто-нибудь посерьезнее, чем несколько бодрых отставников, навсегда застрявших в мире своих воспоминаний о былых временах. Поэтому ни слова о боевых уставах народных ополчений и высших офицерских советах – просто неинтересно.

Да и на самом офицерском собрании тоже ничего интересного не было. Единственная интрига – с неожиданно погасшим в арендованном зале светом. Плюс невероятно растерянная милиция: потому что одно дело бить пацана в анархической футболочке и совсем другое – даже повышать голос на пожилого гражданина в шинели с погонами

генерал-полковника. Это было душераздирающее зрелище: крупный мужчина, милицейский полковник, начальник милиции общественной безопасности Западного округа буквально заискивает перед генералом Ивашовым, который, строго говоря, в самом деле нарушал общественный порядок, потому что собирался митинговать прямо перед оцепленным зданием Академии госслужбы, а разрешения на митинг у него не было. «Товарищ генерал, не нарушайте», – умолял милиционер, и нетрудно было заметить, что ему стыдно перед подчиненными, на которых он наверняка постоянно орет, и они его боятся, а тут вдруг эти сержанты и старшины видят, как их начальник унижается перед митингующим генералом.

Впервые на моей памяти на митинге (а офицерское собрание на улице – это, конечно, митинг) возникла ситуация, когда милиция оказалась на грани отказа выполнять свои милиционерские обязанности. Более того – этот отказ, по сути, и произошел, милиция согласилась не разгонять собравшихся, а разрешила им немножко помитинговать в скверике перед академией.

Вообще-то так и начинаются революции. Милиция с народом, не стреляйте в своих братьев (отцов, детей – нужное подчеркнуть) и т.д. Но ничего этого, конечно, не было.

Ивашов сказал офицерам, что нужно пройти в скверик, попутно шуганув одиозного Терехова из Союза офицеров – он в тот момент очень некстати кричал в мегафон что-то про евреев, – и офицерское собрание в полном составе промаршировало к нужному месту. Там вдоль дорожки лежал снег, и лидеры протестующих офицеров залезли на сугроб; на меня эта деталь почему-то исключительное впечатление про-

извела, все-таки сугроб – очень злая пародия на ленинский броневик, особенно если на сугробе стоят пусть бывшие, но все-таки министр обороны и замначальника Генштаба. С сугроба Ивашов и Родионов по очереди обратились к собравшимся – мол, пора действовать, надо бороться – и, глядя на эти каракуль папах и седин серебро, нетрудно было сообразить, что ни бороться, ни действовать эти люди не способны физически; не важно, что перед нами генерал армии Родионов, бывший министр обороны, а ранее легендарный командующий Закавказским округом, который разгонял демонстрантов на проспекте Руставели в восемьдесят девятом году, и генерал-полковник Ивашов, еще пять лет назад главный ястреб Генштаба, лучший друг всей оси зла и главная головная боль для НАТО, – без своих постов и с пометкой «в отставке» при воинских званиях эти двое – не более чем два трогательных, жалких старичка, непонятно зачем вскарабкавшихся на сугроб. И все.

Не знаю, помнит кто-то или нет – вряд ли многие осенью девяносто первого года читали газету «Правда». А это было очень интересно, в том смысле что двадцать первого числа Ельцин своим указом ее запретил, а через неделю «Правда» возобновила свой выпуск. Все осталось по-прежнему – логотип, шрифты, верстка, авторы (это потом из «Правды» все увольняться стали, а тогда, в первые дни после возобновления, никто не успел сориентироваться), – но Боже мой, как сильно эта газета отличалась от той «Правды», которая выходила неделей ранее! Хотя казалось бы – что произошло? Да ничего, просто «Правда» лишилась статуса главной газеты страны. В ее случае это оказалось решающим ударом.

С генералами на сугробе – то же самое. Они лишились должностей и званий – и тут вдруг выяснилось, что больше ничего у них за душой нет. Так быть не должно, бывший министр обороны – это и без министерства личность, но вот как-то получается, что нет, не личность. По крайней мере в данном, сугубо конкретном случае.

Они стоят на сугробе, и их жалко. Они – жертвы родовой травмы русских государственных деятелей: не умеют из власти переходить в оппозицию, умеют быть только бывшими. И с ними, этими бывшими, у нас никогда ничего не получится. Максимум, на что они способны, – вскарабкаться на сугроб. А вечером, дома, набрав горячей воды в тазик, отогревать озябшие в парадных генеральских ботиночках старческие ноги.

Единственное, что радует, – из нынешних грызловых и слисок тоже никогда настоящей оппозиции не получится. Только один вопрос остается: а когда и, главное, как они станут **бывшими**?

23 февраля 2005

Встретил недавно на улице своего приятеля Петю, аппаратчика КПРФ. Петя дал мне листовку. В листовке было написано: *«Александр Македонский в 30 лет покорил весь мир. Аркадий Гайдар в 16 командовал полком. В 25 лет Фидель Кастро возглавил Великую Кубинскую революцию. А чего достиг ты?! Почему твое имя не известно людям? Хочешь стать лидером? Мы предлагаем тебе участвовать в работе Комитета Молодежи “Хватит!”»*.

«Хватит» по-грузински будет «кмара». До украинской революции все говорили, что России нужна русская «Кмара». Теперь говорят, что нужна «Пора». Говорить об этом, впрочем, давно не обязательно – русская «Пора» уже существует, и главное, не одна, далеко не одна.

Во-первых, есть собственно «Пора»: в дни украинских событий российский киберсквоттер Морозов зарегистрировал сайт pora.org.ru (по аналогии с модным в те дни украинским pora.org.ua) и объявил, что русская «Пора» – это он. Потом к Морозову присоединился бывший деятель «Либеральной России» Березовского Сидельников (сейчас его из «Поры» уже прогнали) и журналист Яковлев, кото-

рый в силу его наиболее активного присутствия в ЖЖ медленно сделался лицом «Поры». О существовании каких-либо еще активистов русской «Поры» доподлинно ничего не известно, но, так или иначе, «Пора» в России существует, и это нужно иметь в виду.

Во-вторых, есть «Оборона» Ильи Яшина. По справедливости, даже не «во-вторых», а «во-первых», потому что именно Яшин раньше всех начал ходить на митинги в футболке с нарисованным на ней сжатым кулаком – еще в начале прошлого года. Невероятно, но факт – было время, когда я еще не знал о том, что этого парня зовут Яшин, и в заметках о митингах с его участием так и писал: *«какой-то юноша в футболке «Кмары»*. В «Обороне» кроме яшинского молодежного «Яблока» состоят активисты молодежного СПС (среди них обязательного упоминания заслуживает знаменитая Кариша); и тех, и других, впрочем, мало, но это в данном случае не важно, продолжаем записывать: «Оборона», еще один претендент на звание русской «Поры».

В-третьих, есть движение «Ура!», интересное прежде всего названием, удачно рифмующимся со словом «пора». Названием бывшая молодежная «Родина» (а это именно она, никого другого там нет) обязана своему новому лидеру Сергею Шаргунову. Шаргунов – писатель, единственная его опубликованная книга называется тоже «Ура!», и Сергея можно только похвалить за оригинальный подход к продвижению своей книги на рынке. В движении «Ура!» кроме харизматического Шаргунова заслуживают упоминания еще двое: Олег Бондаренко, бывший лидер организации, ныне работающий ее пресс-секретарем (бывает и так, оказывается), и Леня Развозжаев – брутальный мужчина из Сибири,

человек с четырьмя классами образования, недавно ударивший огромного охранника Жириновского ногой в живот.

В-четвертых, есть Авангард красной молодежи – организация, хоть и не претендующая на какую-либо особую роль в гипотетической революции, но зарекомендовавшая себя на этом рынке регулярными драками лидера АКМ Сергея Удальцова с милицией. Кроме того, Удальцов состоит в прямой родственной связи с другим Удальцовым, который улица на Юго-Западе, – и в этом смысле также уникален как представитель единственной в России революционной династии.

В-пятых, есть НБП. Сколько бы ни говорил Лимонов, что его партия – это партия, а не молодежное движение, по факту НБП остается массовым объединением именно молодежи. Судя по нескольким последним интервью Березовского, политэмиграция всерьез присматривается именно к нацболам как потенциальной русской «Поре». Наверняка Невзлин тоже сказал бы о них что-нибудь доброе, но Леонид Борисович за последние недели надавал столько интервью по поводу и без повода, что его мнение уже никому не интересно – любой редактор, если его имя не Евгений Киселев, теперь справедливо выбросит очередное невзлинское интервью в корзину.

И наконец, есть или вот-вот появится (у них 19 числа первое собрание) движение «Хватит!» моего приятеля Пети из КПРФ.

Итак, шесть примерно равновеликих движений, с одинаковым успехом (точнее неуспехом) способных претендовать на звание русской «Поры». В девяносто девятом году среди многочисленных фишек, с помощью которых оппоненты мо-

чили Лужкова-Примакова, была такая. «Отечество» сняло ролик – сидит Примаков в кожаном кресле на фоне дубовых панелей какого-то солидного кабинета и говорит: «У меня есть одна минута на канале, который про меня постоянно врет». Что сделали оппоненты Примакова? Они сняли два точно таких же ролика в точно таких же интерьерах – но с участием Жириновского и ныне покойного маргинала со смешной фамилией Убожко. И ролик с Примаковым шел в обрамлении этих двух роликов: вначале выступал Жириновский, потом собственно Примаков, следом за ним – Убожко, и все трое говорили одно и то же, намертво сливаясь в сознании избирателя в один малосимпатичный образ.

Сейчас в точно такой же ловушке находится идея массового протестного движения молодежи: русская «Пора» (а никто не знает, какая из этих шести организаций и есть настоящая «Пора») уже зажата между условным Жириновским и условным Убожко – но совершенно без посторонней помощи, сама по себе (если, конечно, отказаться от параноидальной мысли о том, что все вокруг – проект Суркова). Представим: 2007 год, какая-нибудь партия Каспарова-Рыжкова набрала 0,5 процента, международные наблюдатели говорят: это, мол, подтасовка, на самом деле не 0,5, а 0,6, – и возмущенная молодежь как бы стихийно выходит на майдан. Точнее – на майданы, даже майданчики. Десять активистов «Обороны» – на Манежную, пять активистов движения «Ура!» – на Лубянку, трое из «Хватит!» – на Пушкинскую, плюс Удальцов неподалеку дерется с ментами, а нацболы захватывают Центризбирком и через полчаса садятся в тюрьму. Вот и вся революция.

Вася Якеменко, дорогой, – ты после публикации моей колонки о тебе поменял номер мобильного, приходится теперь

с тобой общаться таким вот образом, через РЖ, – ты понимаешь, что твои «Наши» никому не нужны? Революция, против которой ты борешься, сама себя съела. Позови хоругвеносцев и возвращайся к борьбе с калоедами – это, по крайней мере, веселее.

13 апреля 2005

гражданское общество

Во вторник я опоздал к Мещанскому суду. Когда я пришел от метро «Комсомольская» на улицу Каланчевскую, приговор Ходорковскому уже вынесли, и через дорогу от суда уже стояло гражданское общество и скандировало «Позор».

Словосочетание «гражданское общество» я употребляю здесь абсолютно без иронии. У людей, которые две с половиной недели кричали у Мещанского суда «Свободу МБХ!» и другие жизнеутверждающие лозунги, не было никаких стимулов – ни материальных, ни карьерных, ни каких-то еще, – чтобы каждый день ходить на Каланчевскую. Скажу больше – более искренних людей я вообще давно не видел, тем более в таком количестве. Эти двести (среднесуточные данные) человек искренне, очень искренне верят в то, что их судьба, судьба их страны зависит от судьбы бывшего комсомольского функционера, которому случилось в течение нескольких лет побыть самым богатым человеком страны. Они искренне верят, они искренне кричат «Свободу!» и «Позор!», они искренне плакали, услышав о том, что их герою суд дал девять лет колонии.

Вот бабушка с заплаканными глазами воздевает к небу

маленький кулак. Она говорит, что наступил тридцать седьмой год и что она боится звонков в дверь – ей кажется, что за ней вот-вот придут, точно так же, как полтора с небольшим года назад пришли за тем, кого она называет Мишенькой. Бабушку не смущает то обстоятельство, что Мишенька на момент ареста был миллиардером, а у нее ничего нет, даже льгот, и вообще по-хорошему ей следует бояться, наоборот, тишины в дверном звонке, бояться того, что за ней, за старой бабушкой, *не придут*, скажем, вызванные ею по телефону врачи «скорой помощи» или дети-внуки, если такие есть. Бабушка не боится ничего, кроме того, что ее может ждать судьба Ходорковского, – и бабушка, конечно, очень сильно ошибается.

Вообще, это главная проблема тех людей, которые две недели искренне ходили на Каланчевскую поддерживать Ходорковского. Они не могут объяснить, почему они его поддерживают, почему считают суд несправедливым, а прокуратуру – предвзятой. Мантры про *«самую прозрачную компанию»* и *«басманное правосудие»* знают, но больше ничего сказать не могут. Потому что не знают.

Помню, было какое-то мероприятие с фуршетом для журналистов, и на нем помимо остальных была девушка – молодая-молодая, восторженная такая – из одного либерального интернет-издания, которая вообще непонятно как на этом фуршете оказалась, потому что весь год каждый день ходила в зал Мещанского суда писать репортажи о ходе процесса, а больше никуда не ходила. И вот эта девушка рассказывает: мол, повезло вчера мне, когда объявили перерыв, успела подойти к клетке, и МБХ мне прямо в глаза посмотрел и улыбнулся. В буфете кинотеатра «Перекоп» на Каланчевс-

кой, куда, как рассказывают, в перерывах ходили обедать адвокаты и журналисты, эта история, может быть, и вызвала бы восхищенные возгласы – черт подери, прямо в глаза посмотрел, да? А тут была немножко другая компания, и девушку спросили: «Ну и что?» И она почему-то смутилась, стала говорить, что ей было приятно, что на нее обратил внимание Михаил Борисович, потому что она очень за него переживает и очень хочет, чтобы его поскорее выпустили. А когда ее спросили, а почему, собственно, его должны выпустить, ответила (цитирую почти дословно): «Но ведь он же такой воспитанный, интеллигентный, красивый!» Ей казалось, что это – серьезный аргумент в пользу немедленного освобождения подсудимого, и она не поняла, почему все, кто слышал ее, вдруг засмеялись. Громко засмеялись.

Не нужно, однако, думать, что для нашего гражданского общества свет клином сошелся на процессе Ходорковского. Ходорковского, в конце концов, защищает только половина гражданского общества. Другая половина в это время защищает другую потенциальную жертву российского правосудия – женщину по фамилии Иванникова, которая зарезала вроде бы пытавшегося ее изнасиловать мужчину. Женщине грозит срок за убийство, патриотическая общественность требует женщину оправдать. Гражданское общество – я опять употребляю это выражение без иронии – устраивает пикеты в поддержку женщины, печатает листовки с пересказом ее показаний следствию, радуется, когда удастся организовать заметку о ней в газете или сюжет по телевизору. И как у первой половины гражданского общества есть свои мантры про прозрачную компанию, так и у второй – риторический вопрос *«Хотели бы вы, чтобы на ее месте оказалась*

ваша жена-дочь-сестра?» или похожий на каламбур лозунг *«Нам запрещают защищаться»*; а стоит только кому-то даже не возразить, а просто сказать что-то не соответствующее этим мантрам в СМИ или даже в ЖЖ – тут же налетает гражданское общество с криками про жену, дочь и сестру, и круг окончательно замыкается.

Если вы подумали, что эта колонка о том, как одни идиоты непонятно зачем защищают жулика, а другие идиоты тоже непонятно зачем так же рьяно защищают убийцу, то это не совсем так. Во-первых, нельзя людей огульно называть идиотами. Во-вторых, я не знаю, жулик Ходорковский или нет, убийца или нет Иванникова. Действительно не знаю, некомпетентен я в этом. В-третьих, меня прежде всего беспокоит то, что гражданское общество в нашей стране устроено так, что двести человек защищают Ходорковского, еще сто – Иванникову, и те и другие друг на друга никакого внимания не обращают, в итоге получается, что идешь по Каланчевской – а там гражданское общество стоит в виде кучки маргиналов на тротуаре. А мимо нормальные люди ходят. И миллионное оцепление рядом стоит.

А на самом деле надо, чтобы не кучки маргиналов боролись за нечто не интересное остальным кучкам маргиналов, а все гражданское общество боролось за что-нибудь, касающееся всех. По-моему, это не такая фантастика, как может показаться на первый взгляд. Люди, защищающие Ходорковского, и люди, защищающие Иванникову, – у них же очень много общего. Хотя бы в том смысле, что ни те, ни другие не способны толком объяснить, за что и против чего они борются. Значит, и тем и другим нужно учиться доказывать оппонентам и наблюдателям свою правоту. И тех и других, пола-

гаю, могла бы научить этому большая, выходящая за рамки их традиционного круга дискуссия о том, от чего можно отказываться во имя гражданского общества, а от чего нельзя. У меня есть стойкое ощущение, что гражданское общество станет настоящим только тогда, когда вместе с Мариной Литвинович защищать Ходорковского выйдет (конечно, с какими-нибудь оговорками – но выйдет) Константин Крылов, а вместе с Константином Крыловым защищать Иванникову выйдет Марина Литвинович.

1 июня 2005

обнимающая яшина и воробьеву

двадцать шестого апреля около шести вечера у меня зазвонил телефон, я взял трубку, и, как обычно, веселый голос моего друга Ильи Яшина спросил меня: Кашин, мол, угадай, где я сейчас, откуда звоню?

– Конечно, из ментовки, – ответил я и оказался прав – почти за час до начала традиционной демонстрации белорусской оппозиции «Чернобыльский шлях» белорусская милиция задержала приехавшего в Минск Илью и его друзей-соратников. Наутро минский суд приговорил задержанных к нескольким суткам административного ареста. В Москве началась предсказуемая истерика – каждый день оставшиеся в России активисты молодежных «Яблока» и СПС выходили на несанкционированные митинги к белорусскому посольству, требуя освобождения арестованных товарищей, и я тоже ходил туда – вначале просто как репортер, затем, когда начались выходные, как частное лицо, недовольное арестом друзей в соседнем, пускай братском, но все-таки чужом государстве. Я стоял, слушая речи ораторов и вялые крики милиционеров (они сознавались, что получили установку – антилукашенковские митинги не разгонять), и думал о том, что я скажу Яшину и

остальным, когда они, отсидев положенные сутки, вернутся в Москву.

На четвертый день неожиданно стало известно, что минский горсуд пересмотрел собственное решение об аресте русских активистов и все 14 человек едут на поезде домой. Поезд прибывал по расписанию на Белорусский вокзал около пяти утра, и, стоя на перроне, я поглядывал на позирующего перед телекамерами идеолога СПС Гозмана и думал: «Ну вот, еще несколько минут, и я скажу Яшину, его заместительнице Воробьевой и всем остальным, что я о них думаю». Женский голос по вокзальной трансляции объявил о том, что нумерация вагонов отсчитывается с хвоста поезда, уже тогда, когда головной вагон появился на перроне. Кто-то из встречающих – кажется, пресс-секретарь «Яблока» Казаков, сообразив, что мы не там стоим, бросился бежать по перрону от вокзала, за ним побежали телеоператоры и фотографы, еще через несколько секунд помчался навстречу поезду и я – несколько лет не приходилось мне бегать наперегонки с кем бы то ни было, но тут – я сам не ожидал, – я легко оставил позади и Казакова, и фотографов с операторами. И когда Яшин и Воробьева соскочили с подножки своего пятого вагона, я, обогнав остальных встречающих, раскинув руки, обнял обоих – и Илью, и Ирку, и долго тискал их в объятиях, моментально забыв все злые слова, которые я для них заготовил. Потом Яшин пафосно говорил в телекамеры, что там, в белорусских застенках, он и его товарищи поклялись друг другу до последней капли крови бороться, чтобы в России не установился режим, аналогичный лукашенковскому. Я слушал и понимал – никогда, совсем никогда я не скажу этим очень симпатичным мне молодым людям ни одного

слова, опровергающего их детские наивные представления о диктатуре и демократии.

И действительно, когда назавтра мы собрались за одним столом и Яшин рассказывал мне о нечеловеческих условиях в лукашенковских застенках – не давали полотенце и туалетной бумаги, кровати в камере были излишне жесткими и так далее, – я пытался вяло возражать – мол, трое суток в тюрьме с последующей триумфальной в пиаровском смысле депортацией на родину – это еще не признак кровавой диктатуры, и кровать без матраса – это еще не пытка, а потом подумал – а зачем спорить? Не важно в данном случае то, что Лукашенко – никакой не тиран, а, напротив, один из немногих, наряду с Уго Чавесом и Ким Чен Ирм реальный оппозиционер мировому диктатору Бушу, и существование его вегетарианского, дающего заезжим революционерам по десять суток, а потом стыдливо пересматривающего приговоры режима – залог того, что еще не весь мир превратился в один большой Ирак. Рыдающей от радости на перроне Ирине Воробьевой, произносящему на том же перроне пафосные глупости Илье Яшину это на самом деле не особо важно – а чувство обретенной и оттого гораздо более ценной свободы – вот оно действительно стоит очень дорого. И не только для четырнадцати пародийных узников, потому что свободы нам в современной России, правда, очень не хватает. Но если я, во многом обуржуазившийся на своей непыльной работе корреспондент деловой газеты, с этим смириться еще могу, то пускай с этим не мирятся Яшин и его друзья, и пусть в большой стране будет полтора десятка милых смешных подростков, для которых свобода – абсолютная ценность.

Это можно назвать когнитивным диссонансом – к Лукашенко я отношусь с симпатией с достаточно юных лет, еще с тех пор, как после ареста в Минске незаконно перешедших литовскую границу корреспондентов ОРТ Шеремета и Завадского калининградский губернатор отказался пускать Лукашенко в область – мол, сначала освободи российских граждан, а потом приезжай. Подлый характер ельцинско-путинской России тогда впервые обозначился в полной мере – на протяжении последних восьми лет, после референдума о пересмотре конституции Белорусской ССР, не было в мире страны, которая с большим удовольствием вытирала о Белоруссию ноги. Вначале – с помощью провокаторов типа Шеремета, затем – с помощью прямой президентской брани, вроде знаменитого путинского о мухах и котлетах. Лукашенко нельзя не уважать, но ровно с такой же симпатией нельзя не относиться и к отможенным молодым либералам яшинского поколения, которые с одинаковой страстью забрасывают здание ФСБ на Лубянке шариками с краской, протестуя против устанавливающего в России авторитарного режима, и борются против отчаянно свободолюбивого Лукашенко. Чтобы справиться с этим диссонансом, я рассуждаю так: если и окажется Лукашенко на нарах в Гааге рядом с Милошевичем, то вовсе не потому, что этого добьются Яшин с Воробьевой, а только потому, что белорусского президента, как совсем недавно его украинского, киргизского, грузинского и югославского коллег, сольет путинская Москва. Яшин и компания ничего не решают в современной постсоветской политике, так пускай выходят с лозунгами против кого угодно, заведомо не добиваясь результата, но попутно – что гораздо важнее – зарабатывая политические очки. На

смену меховым коlobкам из бескрылой «Единой России» все равно рано или поздно кто-нибудь придет, так пускай же роль сменщиков нынешней бюрократии достанется не бесцветным органчикам из «Наших», а безбашенным полуанархистам из яшинской «Обороны» или, допустим, НБП.

Как ни грустно признавать, Лукашенко обречен. Бог даст, мы еще спросим с тех, кто привел его, самого верного союзника России, к скамье европейского трибунала в Гааге. А пока – пока позволим на славу отпиарившимся в минском СИЗО русским подросткам бороться за Россию. Они пафосны и во многом глупы – но они честны и искренни, и есть основания полагать, что в циничном и лживом двадцать первом веке честность может стать решающим фактором, залогом успеха. Ведь что ни говорите – не в силе Бог, а в правде.

4 мая 2005

ЗНАКОМСТВО с партизанами порядка, приключившееся несколько дней назад, окончательно убедило меня в том, что революция в России победит; революция, естественно, в том смысле, какой это слово обрело в последние два-три года – после Сербии, Грузии и, разумеется, Украины. То есть не *«бежит матрос, бежит солдат, стреляет на ходу»*, а – большая площадь с плазменными экранами над ней, розовощекой молодежью с наушниками mp3-плееров на ушах, снующими в толпе вдохновенными репортерами в оранжевых шарфиках, прямой трансляцией по CNN, послом Соединенных Штатов, время от времени консультирующим вождей восстания на конспиративных квартирах... Милиция или армия, не важно, откажется стрелять в народ, мрачноватые офицеры группы «Альфа», нарушив на пару дней свой гастрольный график, выйдут на площадь и тоже скажут что-то ободряющее, с ними выйдет и что-нибудь споет группа «Любэ», на исходе третьего или четвертого дня противостояния власть как-то неожиданно поменяется, в эфир Первого канала выйдет растрепанный, но припудренный Леонид Парфенов, экс-президенту Путину разрешат пожить в Ново-Огареве, Богданова и Богданчикова, не говоря уже о Дерипаске с Абрамовичем, никто, конечно, сажать не будет – ну разве что отберут у «БайкалФинансГруп» «Юганскнефтегаз» и вернут

законному владельцу – по этому поводу Брюс Мизамор устроит банкет в гостинице «Метрополь». Может быть, еще – выгонят из «Газпромбанка» его вице-президента Сергея Сергеевича Иванова, но это мелочь, конечно: Сергею Сергеевичу не составит труда сделать какую-нибудь другую карьеру. Жизнь, в общем, начнет налаживаться.

В Россию вернутся Невзлин и Березовский. За Гусинского не ручаюсь, но чем черт не шутит. Василий Якеменко, наоборот, куда-нибудь уедет – деньги на жизнь, слава Богу, есть.

А мы останемся.

Останемся, что немаловажно, не одни. Вот скажите – вы можете представить, что куда-нибудь денется Никита Сергеевич Михалков? Я не представляю. Да и он, наверное, тоже. Не думаю, что ему будет сложно напомнить Борису Абрамовичу Березовскому о том, что он, Никита Сергеевич, в свое время приезжал в Карачаево-Черкесию со своим свежеснятым «Сибирским цирюльником» агитировать черкесов за кандидата в Госдуму Березовского? Напомнит. При необходимости поагитирует еще раз – и, может быть, не сумеет добиться того, чтобы его папе позволили сочинить еще один государственный гимн, но все равно не пропадет. За Никиту Сергеевича беспокоиться не нужно.

Не нужно беспокоиться и за, допустим, Евгения Вагановича Петросяна. В самом деле – с ним-то, всенародным любимцем, что может случиться? Ничего. Как шутил, так и будет шутить. И КВН по телевизору тоже будут показывать. И Максима Галкина. Вы думаете, Максим Галкин не сумеет спародировать Касьянова или кто там станет нашим президентом? Сумеет, вся страна хохотать будет. Да и дуэты с Аллой Пугачевой новая власть, конечно, не запретит.

И Олег Михайлович Газманов никуда не денется. Ему даже не придется напрягаться и писать новые песни – хиты девяносто первого года «Свежий ветер» и «Тень буревестника» в современной г'n'b аранжировке вполне могут стать гимнами русской революции – чем они хуже известной песенки «Нас богато и нас не подолати»? Да ничем, и даже лучше.

А вот в послереволюционных перспективах своего доброго друга Ильи Яшина я, если честно, сомневаюсь. То есть понятно, что после революции он не пойдет доучиваться в свой вуз, но и передовые отряды гражданского общества, столь любовно создаваемые Ильей сегодня, – ну кому они будут нужны после того, как оранжевое или какого там оно цвета будет знамя взойдется над Кремлем? Вы сохраняете презервативы после использования? Вряд ли. Вот и русская «Кмара» или «Пора» точно так же никому не будет нужна после исполнения отведенной ей роли. Разве нет? Скажи, Илья?

Нацболов, которые сейчас сидят, конечно, выпустят из тюрем и пару раз покажут по телевизору. Я тоже, Бог даст, у них возьму интервью. Но что с ними будет потом, догадаться тоже несложно. Знаете, раз в год в августе возле Дома правительства на Краснопресненской набережной собирается с десяток полубезумных граждан, которые, кажется, только по случаю памятной даты ненадолго выходят из перманентного запоя? Это идейные защитники демократии из девяносто первого года, сейчас они – натуральные отбросы общества. А ведь и им когда-то была нужна Другая Россия, хоть Лимонов в то время еще не придумал этого названия.

Пенсионеры, которые весь январь будоражили страну демонстрациями по поводу отмены льгот (и наверняка, когда по теплеет, побудоражат еще), возвращения льгот, конечно, не

дождутся; не дождутся по двум причинам – во-первых, никто новых льгот не учредит, во-вторых – пенсионеры к тому времени в основном поумирают. Это, конечно, не значит, что волнений, связанных с социальными реформами, не будет, – будут, ведь будут же реформы, правда? Значит, никуда не денется и нынешняя милиция с ОМОНОм, только – вот парадокс! – зверства ОМОНа почему-то не будут, как сейчас, вызывать протеста у либеральной интеллигенции, зато слово «быдло» по отношению к выходящим на демонстрации гражданам вернется в лексикон просвещенной публики и прочно в нем закрепится.

Студенты, может быть, смогут спокойно учиться в своих институтах – с отсрочками от армии все будет нормально. В армии, строго говоря, все останется по-прежнему – и служить будут те же простые парни из рабочих районов, где нету работы, и тысячи мрачноватых воинских частей, разбросанные по стране, ни во что приличное не превратятся, и нового оружия и техники не будет. Разве что войска, наверное, уйдут из Чечни, и воевать в Чечне не придется. И в Ингушетии тоже, и в Дагестане, и в Ставрополье, и на остальных территориях, отвоєванных у революционной России свободолюбивой Ичкерией.

Меня, надеюсь, к тому времени не выгонят из «Коммерсанта». И о чем писать заметки, тоже найдется – новости всегда есть. Раз в месяц, может быть реже, мы будем встречаться с Ильей Яшиным, пить водку (сейчас Илья принципиально не пьет и никогда не пил, если не врет, конечно) и вспоминать о революционном две тысячи пятом годе. Будем спорить о том, что мы делали не так и как так вышло, что нас обманули. И снова пить водку.

В самом деле – не с Василием же Якеменко ее пить?!

2 марта 2005

ЖИЗНЬ ПАМЯТИ

как умирают крокодилы

Нас засудил «Альфа-банк», а вот, например, журнал «Крокодил» вообще закрыли. Закрыли в очередной раз – только за те три года, что он назывался «Новым крокодилом» (оригинальный бренд кому-то не тому перепродали лет пять назад), это третий, что ли, случай, если не четвертый. Сейчас главный редактор говорит, что это уже окончательно и «Крокодила» больше не будет никогда.

Мне вдвойне обидно, что он закрылся, – в последнем, сверстанном, но так и не вышедшем номере на второй полосе стоял мой фельетон. Неоднозначный, в общем-то, фельетон, потому что я очень слабо представляю, как нужно писать для «Крокодила». В этом фельетоне я рассказывал об ультрасовременном заводе с белоснежными цехами и тонированными стеклами, на котором с полностью автоматизированных линий сходят стильные конторские счеты. В конце я спрашивал читателя, бывают ли такие заводы; читатель наверняка ответил бы, что нет, не бывает, а я отвечал читателю – а наше телевидение – разве не такой завод? Техника великолепна, содержание не менее архаично, чем те же конторские счеты. Как-то так.

Мог бы, конечно, «Крокодил» пожить еще хотя бы неделю. Тогда бы я стал последним его автором – а это уже, пря-

мо скажем, равнозначно попаданию в историю. «Крокодил» – может быть, и не эпоха, но, пожалуй, самый странный советский артефакт. Даже и сравнить его не с чем.

Во-первых, почему советский сатирический журнал, приложение к изданию с унылым названием «Рабочая газета», назвали «Крокодилом» (это как у Ильфа – откуда, мол, у русского человека фамилия Попугаев)? Почему крокодил держит в лапах вилы и курит трубку? Почему, когда все аналогичные журналы ликвидировали, остался именно «Крокодил» – при том, что какой-нибудь «Бегемот» (чем бегемот хуже крокодила?) или, в конце концов, «Красный перец» закрыли с официальной формулировкой *«объединен с журналом «Крокодил»?*

Это была стройная иерархия, вертикаль сатирической печати, если угодно. В Москве был общесоюзный «Крокодил», в республиках, союзных и автономных, были свои журналы – на Украине «Перець», в Белоруссии «Вожык», в Литве «Шлуота», в Грузии «Нианги», что в переводе с грузинского тоже значит «Крокодил». В конце шестидесятых Сергей Михалков написал басню про короля, который терпел наглые выходки своего шута; мораль басни гласила: *«Ведь не было тогда у короля ни «Крокодила» и ни «Фитиля», – и непонятно было, то ли у баснописца такая антисоветская фига в кармане, то ли он действительно имеет в виду необычайную смелость и наглость «Крокодила».*

Если «Правда» и прочие официальные советские СМИ хоть и с искажениями (точнее – с недомолвками), но все-таки отражали существующую реальность, то «Крокодил» был вестником несуществующего мира, в котором жили дяди Сэмы в цилиндрах, уродливые стилиаги, красноносые пьяницы, вытачивающие на своих станках бракованные детали, – и

прочие, не менее интересные персонажи. На журнальном логотипе, как уже было сказано, крокодил держал в лапах вилы – поэтому главная рубрика журнала так и называлась – «Вилы в бок»; я до сих пор не знаю, что значит «в бок» в этом случае – или втыкать инструмент в чей-нибудь бок, или когда крокодил держит вилы именно так, как на картинке, это и называется – держать в бок. Рубрика была главной потому, что, согласно общепринятому мнению, если в ней про кого-нибудь писали, то этого несчастного вышестоящая инстанция немедленно снимала с работы. Но поскольку заметки в этой рубрике (их называли просто – вилами) были маленькими и неинтересными в принципе (действительно, кому интересно читать о том, что в каком-нибудь райцентре на районном складе сгнила капуста?), писать их поручали молодым авторам. В редакции «Крокодила» до сих пор, наверное, живет легенда о маститом Валентине Катаеве, который однажды незадолго до смерти для смеха написал «вилы» и был этим очень горд. А еще была рубрика «Нарочно не придумаешь», в которую люди со всей страны присылали смешные вещи – что-то типа маразмов, которые несколько лет назад было модно выкладывать в интернете. Рубрика «Ба, знакомые все лица!» с *дружеским шаржем* на какого-нибудь известного человека и подписью-эпиграммой. Например, под рисунком, изображающим политобозревателя Бовина, было написано, что «он всегда весомей всех», – тонкий намек на массивную фигуру Александра Евгеньевича.

«Крокодил» был важным элементом советского масс-культа. Выходивший каждые десять дней, он отличался от обычных изданий такой периодичности тем, что и прошлогодний, и позапрошлый номер можно было читать с та-

ким же интересом, как свежий. О той же «Правде», например, такого сказать было нельзя.

А потом все стало по-другому. Удивительное дело – журнал, существовавший (вспомним басню Михалкова) как легальный канал для критики существующих порядков, не смог стать флагманом перестроечной прессы. На фоне тогдашних «Огонька» и «Московских новостей» «Крокодил» с его **знаковыми все лицами** стал выглядеть как нечто извлеченное из запасников провинциального музея – но все равно жил и даже, кажется, не терял читателей, тираж не падал. Его перестали читать только после гайдаровской либерализации – тогда, впрочем, тиражи упали у всех, и у «Огонька» тоже. Но и тогда «Крокодил» жил, все с теми же «Вилами в бок». Это выглядело как лыжная база летом – то есть печально. Но журнал жил, а умер только сейчас.

Вот этот период – между смертельным ударом и собственно смертью – наверное, самый страшный период для любого СМИ. Есть, например, один издательский дом. В девяносто шестом году он выпускал специальную антикоммунистическую газету, которая помогла Ельцину остаться президентом, в девяносто девятом Ельцин отдельным письмом поздравлял читателей с Новым годом, в двухтысячном три журналиста этой газеты написали о ельцинском преемнике целую панегирическую книгу – а сейчас вроде все так же, тот же издательский дом и те же журналисты, только постепенно нарастает какое-то нехорошее чувство. Интересно, в «Крокодиле» так было?

28 октября 2004

прорыв фронта перестройки

уже как минимум полгода в книжном супермаркете на Тверской целая витрина посвящена одной книге: на больших кусках картона крупными буквами творческая интеллигенция делится впечатлениями об этом произведении. Олег Табаков, Галина Волчек, Виктория Токарева, Станислав Говорухин, еще кто-то, и каждый пишет – ничего, мол, лучше за свою жизнь не читал, великая книга, великая судьба и так далее.

Понятия не имею, почему из сотен книг, которые продаются в этом магазине, так активно рекламируется именно она. Видимо, покупают плохо. Вот и моего внимания томик мемуаров Вадима Туманова даже с помощью такой рекламы не привлек, и я не стал покупать эту великую, по мнению мастеров культуры, книгу.

О Вадиме Туманове знаю мало. Знаю, что старатель. Знаю, что сидел. Знаю, что дружил с Высоцким, и последний даже посвятил ему несколько песен – в частности «Был побег на рывок» (о том, как Туманов бежал из лагеря) и совершенно дурацкую «Вачу» (собственно про старателей). И больше ничего о Туманове не знаю – неинтересно.

А тут мне подарили странную книгу – юбилейный сборник газеты «Социалистическая индустрия», изданный не-

большим по советским меркам тиражом к двадцатилетию газеты, это восемьдесят девятый год. В том же восемьдесят девятом году газета была неизвестно почему закрыта, оказавшись единственной газетой ЦК КПСС, ликвидированной в горбачевские времена. Но составители сборника об этом, конечно, еще не знали, в предисловии главного редактора много пафосных слов о перестройке и надеждах, с ней связанных, а дальше – самые яркие очерки, которые в «Социалистической индустрии» за двадцать лет печатались.

Советская журналистика – явление специфическое. Найти в море слов и сложноподчиненных предложений хоть какой-нибудь (хотя бы что *«смежники подкачали»*) смысл – это требует определенных навыков. Вот я и тренировал эти навыки, читая все очерки подряд: о подвиге какого-то сталевара Грязнова, об автомобиле «Москвич-2141», который не уступал бы лучшим мировым образцам, если бы не пресловутые смежники, о нехватке мест в общежитиях для лимитчиков Ленинграда, – ну и так далее, о чем еще могла писать газета с таким названием. К концу книги я устал, и очерк «Вам это и не снилось», датированный уже маем 1987 года, то есть самой перестроечной перестройкой, когда *«ленинские нормы»* еще причудливо переплетались с *«общечеловеческими ценностями»*, просто пробежал глазами, не вчитываясь. Однако текст «Хочу жить богато», который шел в сборнике следом за этим очерком, заставил меня вернуться к «Вам это и не снилось». Очерк оказался интересным.

В Чите убили водителя местной старательской артели. Как выяснило следствие, водитель собирался увольняться,

а председатель артели не хотел, чтобы тот уходил. Пришлось убивать. На место события выехал спецкор «Социндустрии», который выяснил, что это только так называется – артель, а на самом деле самая настоящая организованная преступная группа. Автор пишет: «Ныне, когда кооперативы растут как грибы, возьмемся предостеречь тех, кто умиляется при виде любой подобной вывески. Эта прогрессивная форма хозяйствования, открывающая, несомненно, большие возможности для деловых, предприимчивых и честных людей, в то же время оказалась очень удобной и для деляг и преступников». И приводит в пример артель «Печора», которую тогда возглавлял Вадим Туманов.

Набор обвинений в адрес Туманова в статье – такой очень советский компромат: попринимал на работу каких-то министерских родственников, которым платит зарплату, при том, что они живут в Москве и в артели не были ни разу. Министерство за это не обращает внимания на то, как Туманов ворует, а он ворует, дома себе на курортах строит, а поваром у него в доме работает шеф какого-то московского ресторана. Словом, *«все будет хорошо, если золото, этот скользкий металл, будут добывать люди с чистыми руками»*.

Следом, как уже было сказано, идет статья «Хочу жить богато». Продолжение предыдущей. Из нее мы узнаем, что после того очерка тему продолжили журнал «Коммунист», газеты «Московские новости», «Советская Россия», «Строительная газета», «Литературная газета» и телепередача «Взгляд». Во всех этих СМИ прошли материалы в защиту Вадима Туманова, который, во-первых, *«прораб перестройки»*, во-вторых – *«жертва сталинских репрессий»*, в-третьих – *«близкий друг*

Высоцкого). И на этого человека с несправедливыми нападениями покушается «Социалистическая индустрия».

«Откуда эта кампания?» – спрашивает журналист «Социндустрии». – Неужели опять по указке сверху, как это бывало в не столь давние времена? Нет, в данном случае это никак не проходит: Центральный комитет партии принял специальное постановление, в котором признал статью «Вам это и не снилось» правильной. Значит, остается только одно объяснение: кто-то снизу, обладая очень широкими возможностями, сумел воспользоваться гласностью и срежиссировать кампанию в защиту Туманова по своему сценарию». В общем, обиделась «Социалистическая индустрия» и решила доказать, что ее автор был прав, называя Туманова нехорошими по советским меркам словами. Сделать это оказалось просто. Во-первых, журналисты выяснили, что свой первый срок Туманов получил за хищение из столовой пароходства, в котором тогда матросил, какой-то крупной суммы. Второй – за то, что во время ограбления кассы того же пароходства Туманов стоял с ножом около спящего сторожа, чтобы, если тот проснется, его зарезать. Еще в лагерной характеристике, которую раздобыли авторы статьи, было сказано, что Туманов «пользуется большим авторитетом среди воров-рецидивистов, в марте 1951 года отказался от всех видов работы, порезав кожу живота лезвием бритвы». Еще в статье было интервью уволенного из артели старателя, который рассказывал, что «план выполнили, но на трудодень получили по восемь рублей. Как нам потом объяснили, Туманов задолжал государству огромную сумму, вот ее и покрыли за счет нас».

Заканчивается статья так: *«До поры до времени такие, как Туманов, пребывали в тени, предпочитая не высываться, втихую ворочая миллионными состояниями. Теперь эти малознакомые нам силы вышли на арену борьбы за перестройку. Действуют, наступают, пытаются расширить и укрепить свой плацдарм в обществе. И надо признать – им есть на кого опереться. Пока мы по привычке спорим со всяким там «левым инакомыслием», они, эти силы, готовят прорыв фронта перестройки, под ее лозунгами, извратив под себя ее смысл и суть».*

Автор статьи в «Социалистической индустрии» в своем восемьдесят седьмом году еще не знал, что никакого фронта перестройки в социалистически-индустриальном смысле нет и не было, а самой газете с милым, нелепым совковым названием оставалось существовать считанные месяцы. Я не знаю, почему закрыли эту газету, но думаю, что именно поэтому: противостоять **приличному обществу** намного сложнее и опаснее, чем противостоять, как говорили тогда, административно-командной системе, или, как мы говорим сейчас, государству. Попробуйте сегодня сказать в **приличном обществе** что-нибудь негативное, допустим, о Данилове с Сутягиным. Или о свободолюбивом украинском народе, будь он неладен. Ничего хорошего не выйдет.

Вот и о Туманове годы спустя пишут совсем по-другому, чем когда-то в «Социндустрии»: *«Какие нужны слова, чтобы поведать о человеке, который заложил основы современных производственных отношений в России, вопреки господствовавшей идеологии, подавлявшей любые проявления предпринимательства?»* Знаю, что к словам советских журналистов нужно относиться очень осторожно, но

в этом случае почему-то верю именно им, а не тому, что в витрине книжного на Тверской пишут о «*легендарном золотопромышленнике*» Виктория Токарева и Станислав Говорухин. И, думаю, я прав.

19 января 2005

тридцатая любовь

литературные, как, впрочем, и всякие другие пристрастия – явление очень субъективное, и я не хочу никому навязывать свое мнение (тем более что и не получится – даже если бы хотелось), но всерьез считаю роман Владимира Георгиевича Сорокина «Тридцатая любовь Марины» одной из, может быть, пяти лучших книг, когда-либо написанных на русском языке.

Уж не знаю, насколько справедлив был автор к действительности одна тысяча девятьсот восемьдесят третьего года, в котором происходит действие романа (наверняка справедлив), но то обстоятельство, что сюжет книги идеально ложится на действительность, окружающую меня сегодня, здесь, в Москве две тысячи пятого, – вот от этого обстоятельства мне, честно скажу, делается не по себе. Все, что есть сейчас, слишком похоже на происходившее вокруг Марины, и, наверное, то, что я, автор этой колонки, – не женщина-лесбиянка, является единственным различием между мной и сорокинской героиней.

Поясню. Марина у Сорокина – девушка, чья социальная активность безусловно выше средней по стране. Она тусует с какими-то панками, поющими песню *«Наблюдай, наблюдай,*

а вытрет мать моя» и пьющими мочу из стаканов (на то автор и калоед), пьянствует с американским славистом, изучающим русский мат и декламирующим стихи Баркова, ходит в гости к диссидентам, у которых главная забота – очередная голодовка находящихся в лагерях соратников, дружит с чиновником из ЦК, подкармливающим ее пайками из спецбуфета, и так далее; иными словами, все, абсолютно все формы живой жизни в тогдашней Москве доступны Марине, мимо нее не проходит ничего.

И она, будучи девушкой неглупой, даже прямо скажем – умной, прекрасно понимает, насколько убога и омерзительна эта живая жизнь. Насколько чудовищны и панки, и диссиденты, и славист, который, напившись, выкрикивает что-то русофобское, на что Марина как нормальный русский человек искренне обижается. Круг за кругом проходит она этот советско-интеллигентский ад, понимает, что по-хорошему ей нужно срочно из этого ада вырваться, – и вырывается. Куда? А путь только один. Такого мощного финала нет ни у одной самой великой книги – оргазм с парторгом (та самая тридцатая любовь) под звуки гимна, утром – портрет Солженицына в костер и, по протекции того же парторга, – на завод. Язык незаметно становится из живого суконно-соцреалистическим, героиня вдруг называется уже не Мариной, а по фамилии – Алексеевой, а еще через сколько-то страниц – и вовсе товарищем Алексеевой, и многостраничная компиляция из газетных передовиц и генсековских речей, в которую так же незаметно превращается повествование, совсем не удивляет – а как иначе? Тут без вариантов – либо *«Наблюдь, наблюдай, а вытрет мать моя»*, либо *«Следует усовершенствовать нормативные документы по вопросам мате-*

риального поощрения изобретателей и содействующих им работников, установить строгий контроль за правильным расходованием средств, ассигнуемых на эти цели. Изобретатели вносят ценный вклад в научно-технический прогресс. Пусть же плоды их дерзаний и творчества лучше служат дальнейшему повышению экономического и оборонного могущества социалистического Отечества, росту благосостояния советских людей».

Хочу извиниться за такой продолжительный пересказ. Но, простите, это в самом деле феноменально – все формы жизни сегодня по умолчанию оппозиционны, как и в восемьдесят третьем: те же диссидентские голодовки в лагерях и на воле, те же малоприятные контркультурщики, циничные государственники, русофобствующие иностранцы и так далее.

И единственная альтернатива всему этому ровно одна. Надевать майку с текстом гимна на спине и строиться в колонны на Ленинском проспекте или где-то еще – где скажут. Слушать, как либеральная интеллигенция дразнит тебя быдлом, и главное – привыкать к тому, что никому не интересно, как тебя зовут.

Это действительно так. Нетрудно представить, как можно дружить с Ильей Яшиным, или Ириной Воробьевой, или с любым из национал-большевиков – будь то пресс-секретарь «тоталитарной секты» Саша Аверин, лидер московских нацболов Сергей Смирнов или редактор «Лимонки» Алексей Волынец. А представьте себя в дружеских отношениях с Василием Якеменко. Это же нонсенс, этого не может быть, потому что не может быть никогда. Василий, конечно, гений молодежного маркетинга и персона с отчасти магнетическим обаянием,

но представить его своим другом – ну как? У него же нет никаких особых примет – никто даже из хорошо его знающих не вспомнит, какую музыку слушает Василий, какие книжки и фильмы любит, как предпочитает проводить свободное время, за какую футбольную команду болеет и так далее.

Года три-четыре назад в Калининграде я жил с родителями и поэтому часто ночевал в гостинице «Патриот» неподалеку от дома. В баре этой гостиницы чуть ли не каждый раз встречал одного парня, функционера «Идущих вместе» из Москвы. Он регулярно приезжал в Калининград, помогая организовываться местной организации этого движения, а «Идущие» арендовали этаж в том же здании, где была моя тогдашняя редакция (я даже однажды, прельстившись дефицитной тогда майкой с Путиным, зашел к ним и записался в «Идущие» – и, кстати, до сих пор не выходил из организации), я часто видел его в нашем редакционном дворе, поэтому, встречая его в гостинице, всегда здоровался с ним, перебрасываясь дежурными фразами. И когда я заметил его на недавнем съезде «Наших» среди функционеров уже этого, нового движения, действительно обрадовался ему как старому знакомому. Позвал его где-нибудь посидеть и поболтать – типа по старой дружбе.

Поболтали, ага. Сидишь, говоришь с человеком – а он тебе в ответ так непринужденно сыплет цитатами из манифеста «Наших»: глобальное лидерство, поколение пораженцев и так далее. Вначале думаешь – издевается, потом понимаешь: да нет же, они действительно по-другому не умеют разговаривать, вот в чем дело-то.

Я работаю в газете «Коммерсантъ», главным акционером которой является Борис Абрамович Березовский. Я не могу

сказать о себе – мол, работаю на Березовского. И не потому, что я такой смелый и бескомпромиссный, а потому что не требуется от меня, чтобы я на Березовского работал, шел в ногу с его пропагандистами, воспевал украинскую революцию и называл Путина кровавым карликом.

А от государственников именно что требуется шагать строем – шаг, как говорится, влево, шаг вправо и так далее. Про «Комсомолку» даже говорить уже не стоит – да если бы одна «Комсомолка». Вот появилась молодежная газета «Реакция», сотрудники которой сами называют ее *«сурковским проектом»*. На ощупь приятная, такие тонкие глянцевые страницы, как «Спид-инфо» в детстве. Содержание поражает незыблемостью и откровенностью идеологической линии. В каждом номере что-нибудь нехорошее о растущих на одной ветке лимонах и яблоках и что-нибудь хорошее о «Наших». Знаете, как называлась статья об их акции на Ленинском? «60 тысяч чувств локтя» она называлась. В финале «Тридцатой любви Марины» эти «чувства локтя» очень органично смотрелись бы рядом с *«Надо всячески искоренять шаблонный подход к организации учебы, разработка учебных программ должна идти с учетом конкретных условий отрасли, интересов слушателей»*, – и это действительно ужасно. Ну не верю я, что альтернативой уродцам, разрывающим на сцене «Евровидения» пластмассовые цепи, может быть только такая мертвечина! Вот я не хочу оранжевой революции в России, и куда мне идти, чтобы работать в согласии с совестью? Если наша власть действительно озабочена **сохранением суверенитета**, предотвращением **внешнего управления** и прочими важными вещами, какого черта она хотя бы не намекнет пресловутому **социально ориентиро-**

ванному бизнесу, который, кстати, обширно представлен и на медийном рынке, что неплохо бы создать нормальную, а не в стиле старой «Правды», газету? Власть действительно не понимает, что истеричный и глупый либеральный публицист, разговаривающий на живом языке собственными словами, всегда выиграет у биоробота типа Екатерины Андреевой, или притворяется? Если не понимает – то пошла она вон, такая власть, потому что это некомпетентность. Если притворяется – тем более пошла вон, потому что это вредительство.

Ничего хорошего, правда, все равно не будет. Так что страну жалко, конечно. Ну и себя тоже – так и умру на обломках России без собственной Тридцатой любви.

25 мая 2005

каноническая автобиография

(кратко)

Олег Владимирович Кашин родился 17 июня 1980 года в Калининграде в семье инженера (впоследствии ставшего моряком) и врача.

С 1983 по 1987 год воспитывался в детском саду областного УВД «Золотая звездочка». В саду не было ни одного ребенка, чьи родители были бы милиционерами. С тех пор Олег Владимирович Кашин не любит милицию, у которой даже детские сады коррумпированы.

В 1987–1990 годах учился в средней школе №30 Калининграда, затем – до 1995 года – в построенной через дорогу школе №38. В 1990 году Олег Владимирович был идеологом и организатором школьной забастовки, которая в конце концов провалилась.

20 июня 1997 года закончил с золотой медалью Калининградский морской лицей и поступил на первый курс Балтийской государственной академии рыбопромыслового флота.

С февраля 1998 года по февраль 2000 года – еженедельно под псевдонимом публиковал в газете «Калининградская правда» публицистические статьи левопатриотической направленности, имевшие большую популярность у аудитории. Как отмечала в редакционной статье «И маль-

чки красно-коричневые в глазах» газета «Новый наблюдатель», статьи Олега Владимировича Кашина могли стать достаточным основанием для закрытия «Калининградской правды» за пропаганду экстремизма.

В июне-сентябре 1999 года в качестве палубного практиканта учебного парусного судна «Крузенштерн» принимал участие в парусной регате «Катти сарк». В сентябре 1999 года успешно прошел испытания на квалификацию «матрос международного класса». В апреле-сентябре 2000 года в качестве штурманского практиканта на том же судне участвовал в регате «Толл шип-2000», по итогам которой получил первый разряд по парусному спорту.

С августа 2001 по май 2003 года – корреспондент «Комсомольской правды в Калининграде». Специализировался на эксклюзивных интервью и специальных репортажах. Олегу Владимировичу Кашину дал свое первое интервью в звании адмирала командующий Балтфлотом Владимир Валуев, первое интервью в качестве спецпредставителя президента по калининградской проблеме – Дмитрий Рогозин. Олег Владимирович Кашин был единственным калининградским журналистом, взявшим интервью у посла Новой Зеландии Джефа Ворда и кинорежиссера Джеймса Кэмерона во время их приездов в Калининград. Интервью Олегу Владимировичу Кашину давали также философ Александр Зиновьев, политологи Глеб Павловский и Сергей Кара-Мурза, писатели Александр Проханов, Борис Акунин и Владимир Сорокин и многие другие.

По инициативе Олега Владимировича Кашина читателей «Комсомольской правды в Калининграде» поздравила с новым 2003 годом Людмила Путина.

Репортаж Олега Владимировича Кашина о строительстве мемориального комплекса солдатам и офицерам немецко-фашистского вермахта вызвал широкий общественный резонанс. Депутаты Горсовета были вынуждены приостановить строительство мемориала почти на год.

Очерк Олега Владимировича Кашина о старейшем калининградском акушере-гинекологе Викторе Лapidусе послужил причиной присуждения доктору Лapidусу звания почетного гражданина Калининграда.

Репортаж Олега Владимировича Кашина «Белочка утопилась от жары», опубликованный летом 2002 года, вошел в калининградский журналистский фольклор как безупречный образец создания «сенсационного» материала при полном отсутствии фактов и без искажения действительности.

Также, работая в «Комсомольской правде» в Калининграде, Олег Владимирович Кашин вел колонку литературной критики в журнале «Королевские ворота».

В сентябре 2002 – мае 2003 года Олег Владимирович Кашин вел авторскую информационно-аналитическую программу «Околоток-шоу» на волнах ФМ-радиостанции «Окей-радио». Программа номинировалась на Премию А.С. Попова в 2003 году.

В декабре 2001 – январе 2002 года Олег Владимирович Кашин проходил военные сборы в качестве штурманского практиканта сторожевого корабля «Дружный» Балтийского флота. Имеет звание лейтенанта ВМФ.

27 июня 2002 года Олег Владимирович Кашин создал Живой Журнал.

1 марта 2003 года Олег Владимирович Кашин закончил Балтийскую академию, успешно защитив диплом

«Сравнительный анализ диаграмм остойчивости Ремеза с диаграммами ИМО». Имеет квалификацию «инженер-судоводитель».

С июня 2003 года живет и работает в Москве. До августа 2003 года – внештатный автор ряда московских изданий, с 6 августа 2003 года – корреспондент отдела «Общество» издательского дома «Коммерсантъ».

За короткий срок Олег Владимирович Кашин сумел стать ведущим молодежно-политическим журналистом страны. Народная мудрость гласит, что если о молодежном движении не написал Олег Владимирович Кашин, то этого движения не существует. Взвешенность и сбалансированность журналистской позиции Олега Владимировича Кашина сделали его репутацию в молодежно-политических кругах безупречной – Олега Владимировича Кашина одинаково уважают и ценят национал-большевики и «Наши», молодые «Яблочники» и молодая «Родина».

Также в 2003-2004 году Олег Владимирович Кашин фактически легализовал на газетных страницах тему противостояния жителей Москвы с властями и застройщиками, оказавшую существенное воздействие на формирование гражданского общества в России.

В форс-мажорных обстоятельствах Олег Владимирович Кашин – всегда там, где тяжело. Он был первым журналистом, оказавшимся у дома, в котором погиб президент Ичкерии Масхадов, он опознавал погибших пассажиров взорванных террористами самолетов летом 2004 года, хоронил сгоревших в шахте кузбасских шахтеров весной того же года, встречал гробы с телами русских специалистов из Ирака, хоронил спасателей, погибших при штурме школы

в Беслане и так далее. Неоднократно задерживался милицией за исполнение журналистских обязанностей, бывал бит.

Победитель конкурса журналистов «Произвол в законе» 2004 года.

С сентября 2004 года ведет колонку «Всюду жизнь» в «Русском журнале».

Содержание

Г. Павловский. <i>Русский журнал одного автора</i>	5
А. Чадаев. <i>Другой Кашин</i>	7

Жизнь Кашина

Быдло	13
Спасение красного флага	18
За спасение погибавших	23
Революция еды	27

Жизнь СМИ

История в заголовках	33
Подлость как признак лояльности	38
Оба хуже	43
Профессиональным русским	48

Жизнь начальства

Занимательная сейсмология	55
Мужской разговор	59
Гособвинитель	65
Разговор со страной	72
Чужие кабинеты	77
Страна без орденов	82

Жизнь революции

Революция окончена	89
Виртуалы против виртуалов	94
Свидетель обвинения	99
Тетка в рыжей шубе	104
Сору-paste	108
Генералы на сугробе	112
Между Жириновским и Убожко	116
Гражданское общество	121
Обнимая Яшина и Воробьеву	126
После революции	131

Жизнь памяти

Как умирают крокодилы	137
Прорыв фронта перестройки	141
Тридцатая любовь	147
<i>Каноническая автобиография</i>	<i>153</i>



Издательство «Европа»

создано в 2005 году в целях политического просвещения, укрепления институтов гражданского общества и политической системы России как европейской нации



Задача Издательства –

возродить жанр актуальной политической книги на русском языке в самом широком диапазоне – от брошюры до монографии.

Издательство ориентировано на всех, кто так или иначе участвует в реальной политике, от рядовых избирателей, молодых политиков и студентов до актива политических партий, управленческой, интеллектуальной и медиаэлиты

В издательстве «Европа» вышли в свет:

Серия «Доктрины»

Словарь текущей политики.

Навигатор по Посланиям Президента 2004–2005 г.

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 144 с.

Это книга реального российского политика, политическая работа которого невозможна без ясности политических понятий. В основу словаря-навигатора положены последние два Послания Президента РФ 2004–2005 г., которые сам Владимир Путин рассматривает как программные.

Серия «Идеологии»

Фридрих Лист

Национальная система политической экономии.

Составление и предисловие: В.А. Фадеев.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 384 с.

Книга выдающегося немецкого экономиста XIX века Фридриха Листа, незаслуженно вытесненного сегодня из научного пространства торжествующим упрощенчеством и догматизмом, посвящена концепции экономического суверенитета наций. В книгу также входят экономические трактаты современников о Листе – русского химика Дмитрия Менделеева (то, что он был еще и первоклассным экономистом, знают до сих пор немногие) и выдающегося политического деятеля графа С.Ю. Витте.

Антитеррор.

Практикум для горожанина

*Сборник/сост.: редакция сайта «Антитеррор.Ру»
Москва, издательство «Европа», 2005.–108 с.*

Это издание – пособие по выживанию на войне. Терроризм ведет против России войну. Мишенью террора являются простые граждане. В книге собраны советы специалистов, психологов, экспертов по выживанию. В ней все, что необходимо знать для обеспечения личной безопасности. Особое внимание уделено обеспечению безопасности детей.

«Оранжевая революция»: украинская версия

Сборник/сост.: М.Б.Погребинский.

Предисловие: Г.О.Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 472 с.

Хроника и анализ киевских событий в оценках непосредственных участников (в числе которых – и составители сборника). Аналитические оценки политологов разных стран Европы.

Россия и «санитарный кордон»

Сборник/сост.: Информационное агентство REGNUM.

Предисловие: Г.О. Павловский.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 224 с.

Мир видит странный спор: Владимир Путин в президентских посланиях напоминает об угрозе целостности и суверенитету России, а либералы Москвы и Таллина всё опровергают. Все спорщики родились в мире, которого уже нет, в странах, которые стерли с карт – например, в СССР. Однако напоминание Путина об этой недавней геополитической катастрофе вызвало новый шквал воз-

ражений. Суверенитет России – это болезнь Европы, наши союзники – разносчики опасного вируса, Евровосток – зона заражения. В этой книге аналитики REGNUMа рисуют точные карты «санитарной войны» против России.

Серия «Перевороты»

Киргизский переворот. Март – апрель 2005

Сборник/ сост.: Г.О. Павловский.

Предисловие: Е. Афанасьева.

Москва, издательство «Европа», 2005. – 224 с.

Эта книга – о пропавших иллюзиях. О том, как «бархатный переворот» обернулся погромом. О революции в Киргизии и о разграбленном Бишкеке. Хроника событий, рассказы очевидцев, экспертный анализ политической обстановки до и после революции, прогнозы дальнейшего развития ситуации и расклад сил внутри киргизской элиты позволят понять, что случилось в Бишкеке этой весной.

Средняя Азия: Андижанский сценарий?

Сборник/сост.: М. М. Мейер

Предисловие: В. В. Наумкин

Москва, издательство «Европа», 2005. – 200 с.

Неполных три месяца отделили нас от кровавых событий в узбекском Андижане. Чем меньше мы в них понимаем, тем легче дается неосторожное забвение. Что-то зреет к югу от Казахстана, но что именно? Книга доступным на сегодня образом воспроизводит мозаику из свидетельств и суждений очевидцев и оппозиционных политиков, жесткой аналитики российского политолога, знающего проблемы южного пограничья, и размышлений Ширин Акинер, британского профессора с тюркскими именем и фамилией, которой почему-то были предоставлены уникальные возможности передвижения и общения в Андижане. В приложении дана справка об оппозиционных движениях в Узбекистане и об их лидерах.

Елена Афанасьева
Государство или революция?

Москва, издательство «Европа», 2005. – 124 с.

В своей книге Елена Афанасьева, эксперт-политолог, руководитель Центра содействия стабильности, критически рассматривает типовую модель современной «революции». Автор дает свое объяснение тому, что же происходило на Украине осенью 2004 года, рассматривая события как западный, американский политтехнологический проект, который осуществлялся для реализации тех или иных экономических интересов.

Серия «Мировой порядок»

Россия и мир в 2020 году.

Доклад Национального разведывательного совета США
«Контурь мирового будущего».

А.Шубин. «Россия-2020: будущее страны в условиях
глобальных перемен»

Москва, издательство «Европа», 2005. – 224 с.

Доклад Национального разведывательного совета США, опубликованный в этой книге, был подготовлен по заказу ЦРУ и рассекречен только в начале 2005 года. Над ним работали тысячи влиятельных экспертов. Неправительственный статус доклада позволяет его авторам рассуждать о проблемах и угрозах грядущей глобализации с максимальной степенью откровенности. Эта книга о том, чего ждет и чего боится мировой политический истеблишмент на пороге новых потрясений.

Европа без России

Договор, учреждающий Конституцию для Европы
от 20 октября 2004 г.

Предисловие: Г.О. Павловский

Президент Чехии Вацлав Клаус: «Почему я не европеист»

Интервью: «Опасность для демократии и свободы в Европе».

Москва, издательство «Европа», 2005. – 580 с.

Французы и голландцы, отклонившие Конституцию для Европы, породили в России суетные надежды. Неумение вести политику в европейском секторе вдруг сменилось апокалиптическими мечтаниями – пустой расчет! Европеистский миф Большой Европы не только переживет нынешний кризис, но и, весьма вероятно, выйдет из него окрепнув, еще более экспансионистским.

Только одна европейская страна исключена наперед из состава Европы – Россия, нации которой отказано в европейской идентичности. Нам следует твердо уяснить для себя обстоятельства и риски, вытекающие из этого факта.

Серия «Партийность»

Хартмут Хесс

Практическая работа в партии

Предисловие: В. М. Резник

Москва, издательство «Европа», 2005. – 160 с.

Вследствие десятилетий господства доктрины т.н. демократического централизма ВКП(б) – КПСС граждане России не знакомы с логикой формирования политических партий, их развития, их демократической борьбы за власть. Опыт дореволюционных партий известен только специалистам. Между тем, задача создания партии нуждается в компетентности и квалификации. В этих условиях русское издание книги немецкого социал-демократа Хартмута Хесса имеет существенное значение. Эта книга написана практиком и для практиков строительства массовой партии. Автор по-

следовательно раскрывает технологию работы первичных организаций, их движения к выработке согласия в ходе дискуссий, их работы с избирателями, их борьбы за вовлечение новых партийцев, за автономность бюджета партии от денег государства и спонсоров.

***Социальное меню
в программах российских партий***

Обзор Вячеслава Глазычева

Предисловие: А. К. Исаев

Москва, издательство «Европа», 2005. – 200 с.

Эта компактная книга представляет собой подборку выдержек из Послания Президента РФ Владимира Путина и программ российских политических партий в той их части, что напрямую адресуется к проблемам, жизненно важным для избирателя. В преддверии введения в жизнь нового закона о политических партиях, который потребует от их лидеров резко усилить агитацию, направленную на расширение числа сторонников, принципиально важно для партии, претендующей на весомую позицию в Государственной Думе и в Законодательных собраниях регионов, выбрать убедительный ответ на естественные вопросы людей. Выдержки из Послания и программ сопровождаются кратким аналитическим комментарием, подчеркивающим сильные и слабые стороны той или иной программы.



Рабочий ежедневник Президента РФ

Выпуск 1 (январь – май 2005 г.)

Предисловие: А. В. Шпунт

Москва, издательство «Европа», 2005. – 208 с.

С формальной точки зрения информация о встречах Президента Российской Федерации, официальных, рабочих, неофициальных, должна считаться общеизвестной – она публикуется в газетах, сообщается в новостных программах телевизионных программ. Однако, будучи собран в книгу, дневник встреч Президента, во всем многообразии их содержания, становится своего рода отчетным календарем деятельности главы государства. Этот своеобразный календарь включает то краткие, то весьма подробные справки о предметах обсуждений, о собеседниках президента, о предыстории тех или иных событий, что придает «телеграфному» стилю официальных сообщений необходимую дополнительную глубину, которая, как правило, ускользает от внимания в потоке ежедневных новостных сообщений.

Серия «Русский журнал»

Олег Кашин

ВСЮДУ ЖИЗНЬ

Редакция «Русского журнала»:

*Главный редактор Г. Павловский / Зам. главного редактора Е. Пенская /
Шеф-редактор Б. Кузьминский / Отв. секретарь Т. Можаяева /
Выпускающий редактор И. Овчинников / Редакторы А. Чадаев, А. Борзенко,
Е. Отрощенко / Корректор А. Лебедева*

*Препринт и производство: «Три квадрата» по заказу издательства «Европа»
тел. (095)151-6781, факс (095)151-0272, e-mail: triqua@postman.ru*

Подписано в печать 26.06.2005. Бумага офсетная.

Печать офсетная. Печ. л. 10,25. Тираж 1000 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов в типографии АКО-Принт

Издательство «Европа»

119180 г. Москва, ул. Б. Якиманка, д. 1

тел. (095)745-52-25, факс (095)725-78-67